

Кейт Хьюитт

СЕСТРЫ
ЭДЕЛЬВЕЙС

Но даже в полной темноте могут
прорасти мельчайшие семена любви
и надежды.

В поисках утраченного счастья

Кейт Хьюитт

Сестры Эдельвейс

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(4Вел)- 44

Хьюитт К.

Сестры Эдельвейс / К. Хьюитт — «Издательство АСТ»,
2021 — (В поисках утраченного счастья)

ISBN 978-5-17-147671-7

Австрия, тридцатые годы. У старого часовщика и его супруги растут три дочери, которых отец прозвал «сестрами Эдельвейс»: работающая и приземленная Иоганна, умная, застенчивая Биргит, которая помогает отцу чинить часы и в этом видит свое призвание, и очаровательная Лотта. Как бы ни была счастлива и беззаботна жизнь сестер, наступают темные времена. Теперь им придется рискнуть всем, чтобы спасти страну, которую они любят всем сердцем. Но даже в полной темноте могут прорасти мельчайшие семена любви и надежды.

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(4Вел)- 44

ISBN 978-5-17-147671-7

© Хьюитт К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвёртая	28
Глава пятая	34
Глава шестая	40
Глава седьмая	46
Глава восьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кейт Хьюитт

Сестры Эдельвейс

Kate Hewitt
THE EDELWEISS SISTERS

© Kate Hewitt, 2021
© Смирнова, А., перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Изобель, которой первой пришёл в голову сюжет о сёстрах Эдельвейс. Это был потрясающий год.

Спасибо, что вместе со мной работаешь над всеми этими книгами!

Пролог

Зальцбург, Австрия, 1945

Весна несётся по городу, как песня, симфония красоты и обновления среди разрушений войны. В Мирабельгартене, за пределами великолепного дворца, клумбы – настоящее буйство маргариток и желтофиолей, анютиных глазок и незабудок.

Магнолии на Марктплатц-сквер усыпаны шелковистыми цветами, радостно журчит река Зальцах, стекающая с заснеженных Китцбюэльских Альп через луга, все в белых звёздах нарциссов. Сине-зелёные воды реки безмятежно струятся, не беспокоясь о разрушенных мостах, которые зияют над ней, напоминая о бомбах, уничтоживших эти мосты и купол собора, но, к счастью, оставивших невредимым многое другое.

Высоко над городом, у старинных зданий аббатства Ноннберг, выкрашенных краской цвета охры, крадёт женщина, прячась в тени от восходящего солнца, ползущего по горам Зальцкаммергута, покрытым голубым туманом, и тянущего длинные, прозрачные, маслянисто-золотые пальцы к пикам цвета индиго, которые окружили Зальцбург, как зубчатая корона великана. Младенец у неё на руках кричит, тоненько, скуляще, слишком слабо для голодного ребёнка.

Она натягивает одеяло на лицо крошечной девочки, качает её, просит не шуметь. У женщины ушла почти неделя, чтобы добраться сюда, она вся в грязи, голодна и измучена. Было бы гораздо легче отдать младенца компетентным бюрократам, которые теперь, услужливые и деловитые, наводнили города и посёлки отсюда до Гамбурга, или даже оставить там, где он родился всего несколько недель назад, среди боли и страданий, пришёл в мир, который безнадежно сломан, и кажется, что его уже не починить.

Но она обещала, и вот она здесь, всё её тело покрыто синяками и сведено болью, руки баюкают маленького человечка, которому каким-то непостижимым, немислимым образом удалось выжить.

Высоко наверху часы на куполе в стиле барокко, венчающем аббатство, бьют шесть. Скоро сюда соберутся монахини, их голоса возвысятся как один, когда они будут произносить древние слова, над которыми не властно ни время, ни война. Ребёнок вновь начинает плакать, и женщина понимает, что больше не может ждать. Она с неохотой взвалила на себя это бремя, но теперь ей тяжело с ним расставаться. Эта малышка – единственное, что связывает её с другим человеком, с чем-то кроме её бесконечных скитаний по всему миру, с одной из множества погибших на войне – бездомных, безымянных, одиноких.

Она прижимает младенца к груди, вспоминая пальцы матери ребёнка, вцепившиеся в её ладонь, – холодные, костлявые пальцы с содранными ногтями, которые впивались ей в кожу, гора последними силами, с каждой секундой утекающими в грязную солому.

– Пожалуйста... обещай мне... ради моего ребёнка...

Что ещё ей оставалось, кроме как сдержать клятву?

– На Гетрайдегассе есть магазин часов... над ним вывеска с веточкой эдельвейса... отнеси ребенка туда... а если магазина там нет, то в аббатство. Монахини там добрые. Они знают, что делать. Поклянись мне...

И вот она здесь, с этим крошечным, никому не нужным свёртком, зажатым в руках. Она побывала на Гетрайдегассе, и дверь в магазин оказалась заколочена. Так что пришлось прийти сюда, к аббатству. Она не сможет заботиться о ребёнке, она должна оставить девочку здесь. Последний удар часов уплывает в рассветную тишину, эхо разлетается по узкому двору, клочья тумана испаряются в свете солнца. Собравшись с духом, женщина идёт вперёд, одной рукой качая младенца, другой сжимая старый ящик, найденный возле бакалейной лавки в зловонном

переулке у Кайгассе. Его сырые, прогнившие доски станут столь же скромной колыбелью, в какой лежало святое дитя, которому монахини теперь поют славу.

Она ставит ящик на пороге аббатства, осторожно кладёт туда ребёнка, подтыкает грязное одеяло, подаренное ей сотрудником Красного Креста в Мюнхене, вокруг сморщенного личика. Заворачивает в одеяло маленький вязаный цветок эдельвейса – его передала мать ребёнка в надежде, что он вызовет воспоминания, что монахини узнают и поймут.

Она наклоняется, чтобы поцеловать малышку в бледную щёчку, поднимает тяжёлый дверной молоток и опускает один раз, два, три, каждый удар – в такт биению её сердца.

Она слышит шаги, тихие и неторопливые шаги по древним ступеням, и отступает в тень, прячется за колонной, потому что должна это увидеть.

Дверь открывается с долгим, недовольным скрипом, выходит монахиня и с безмятежным любопытством оглядывается по сторонам, пока не замечает ящик у ног. Она молода, эта монахиня; её лицо под белой намиткой – гладкий, чистый овал, у неё стройное тело, тонкие руки. Она поднимает ребёнка, и на её лице появляется удивлённое выражение.

Женщина смотрит, как монахиня прижимает к телу ребёнка; несмотря на своё призвание, она знает, как его держать, инстинктивно гладит маленькую, хрупкую головку. Губы расплываются в нежной улыбке.

Вот и всё. Она исполнила своё обещание, больше ей нечего здесь делать. Тихо, с болью в сердце и во всём теле, женщина ускользает прочь, а солнце поднимается над городом, наполняя его светом.

Глава первая

Зальцбург, 1934

Музыка неслась из высокого узкого дома на Гетрайдегассе, радостные струйки звуков петляли по тёмному и переполненному магазину на первом этаже, где стояли стеклянные шкафы с мраморными каминными часами. Настоящей гордостью магазина были величественные напольные часы и часы с кукушкой, искусно вырезанные великим Иоганном Баптистом Бега, которые отбивали каждые четверть часа на протяжении почти ста лет.

Музыка плыла по узкой лестнице в гостиную, мимо потёртых вельветовых диванов, украшенных салфетками с вышивкой ручной работы, мимо тяжёлых деревянных столов и стульев, потемневшего от времени шкафа из красного дерева – всё это было перевезено сюда из деревянного фермерского дома в Тироле – в кухню с квадратным столом и почерневшей плитой.

Миная пролёт в хозяйские спальни, она поднималась на второй этаж, с его крохотными мансардными комнатами, маленькие окна которых выходили на луковичные купола Зальцбургского собора, на Альпы и бахрому цвета индиго за ними.

Музыка наполняла все комнаты; три голоса – альт и два сопрано – слились воедино в нежной мелодии знаменитой народной песни «Лорелей»:

*Не знаю, о чем я тоскую.
Покою душе моей нет.*

*Забывать ни на миг не могу я
Преданье далёких лет...¹*

И внезапно воцарилась тишина.

– Биргит, мне кажется, ты сфальшивила, – сказала Лотта и жизнерадостно рассмеялась, откинув назад волосы, рассыпав по плечам золотисто-пшеничный водопад. – Или это была я? – Она вновь расхохоталась, светло улыбнувшись сёстрам. – Давайте ещё раз.

– Нет времени. – Биргит быстро отвернулась, пряча лицо от смеющихся глаз младшей сестры. – Отец ждёт, – и она понеслась прочь из дальнего зала магазина, где они репетировали, чтобы не тревожить отца, страдавшего жестокими головными болями с тех пор, как почти двадцать лет назад, в битве при Оршове, в него попал румынский снаряд.

– Биргит... – начала было Лотта, и в её голосе зазвучали встревоженные нотки. Она попыталась остановить сестру, но самая старшая, Иоганна, покачала головой:

– Пусть идёт. Ты же понимаешь. А я иду одеваться, – и она быстро вышла из комнаты вслед за Биргит и направилась в комнаты. Лотта, чуть слышно вздохнув, поплелась за сестрой, продолжая напевать, но на этот раз её никто не поддержал.

В кухне их мать, Хедвиг Эдер, возилась с пирожными, повязав фартук поверх лучшего своего платья, какое надевала только по воскресеньям. Хотя она прожила в городе двадцать три года, до этого она ни разу не посещала ни одного из мероприятий Зальцбургского фестиваля, если не считать бесплатного спектакля на соборной площади, ради которого даже крестьяне спускались с гор. А сам фестиваль проводился по большей части для состоятельных отдыхающих и туристов, приезжавших на один день из Вены, Берлина и даже из дальних городов – искушённых людей с быстрыми автомобилями, лукавыми голосами и скользкими манерами – или, по крайней мере, такими их считала Хедвиг. Модники – так называли их зальцбургцы, и в этом слове слышался то ли трепет, то ли презрение, а может, и то и другое.

¹ Слова песни написаны Генрихом Гейне в 1824 году, перевод С. Я. Маршака.

Её супруг, Манфред, стоял в дверном проёме кухни, тоже в лучшем своём наряде – поношенном костюме из шерстяного твида. При виде посыпанных сахаром пирожных с кремом, аккуратно разложенных на блюде, он улыбнулся.

– Ах, Прюгельторте, – радостно воскликнул он, – мои любимые. – И он наклонился, чтобы поцеловать жену в щёку; смутившись, Хедвиг отодвинулась в сторону.

– Мне кажется, я видела мышь, – сказала она, накрывая пирожные сеткой. – Придётся вновь вызывать человека.

Он с нежностью смотрел, как она суетится в кухне, переставляя с места на место то чайник, то тарелку, не глядя ему в глаза.

– Хедвиг, здесь нет мышей, – наконец ласково сказал он. Она пожалала плечами.

– Мне кажется, я видела.

Вновь улыбнувшись, Манфред обнял её за талию.

– Ты слишком беспокоишься.

– С чего бы мне беспокоиться? Это ведь не я буду петь.

– Всё равно.

Хедвиг отодвинулась, потому что хоть и любила мужа, её порой раздражала его излишняя пылкость.

– Всё у них будет хорошо, – убеждал Манфред, пока она продолжала сновать туда-сюда по кухне. – Главное – не победа, а опыт. К тому же это не сцена Фестшпильхауса, а просто любительский конкурс в ресторане, только и всего. Давай просто наслаждаться сегодняшним днём.

Хедвиг не ответила, потому что понимала – наслаждаться у неё не получится, как бы она ни старалась. Но она всё же рассеянно улыбнулась мужу, понимая, что он-то уж точно получит удовольствие, подошла к маленькому потрескавшемуся зеркальцу у двери и стала приводить в порядок волосы. Хоть она и была дочерью простого фермера, она всегда старалась выглядеть опрятно.

– А вот и они! – объявил Манфред, сияя улыбкой, когда в кухню, смеясь, вплыла Лотта, следом Иоганна, деловитая, как всегда, а за ними Биргит, которая очень старалась не выдать волнение. На них были дирндли – народные костюмы с пышными юбками и клетчатыми фартуками, и Лотта со смехом утверждала, что похожа на доярку, но поскольку конкурс спонсировался Ассоциацией австрийских национальных костюмов, эти наряды, старательно и любовно сшитые Хедвиг, подходили как нельзя лучше.

Участию сестёр в конкурсе поспособствовал учитель музыки Лотты. Младшей дочери Манфреда и Хедвиг повезло трижды: из всех трёх сестёр Эдер она была негласно признана самой красивой, самой обаятельной и самой способной к музыке. Несколько лет назад Манфред и Хедвиг решили, что ей стоит брать уроки пения – о том, чтобы предоставить такую возможность Иоганне или Биргит, никто и не думал, потому что у них было не очень-то много денег. Но Лотта так любила музыку, что отказать их маленькому жаворонку казалось Манфреду почти жестокостью. Хедвиг, заправлявшая всеми расходами, была не слишком довольна, но, тем не менее, серебряные гроши и золотые шиллинги исправно, день за днём, неделя за неделей опускались в погнутую жестяную банку на полке над плитой.

Когда учитель, господин Грубер, предложил Лотте принять участие в любительском конкурсе, проходившем в день знаменитого фестиваля, девушка заявила, что не станет петь одна, только вместе с сёстрами. Они могли бы составить трио; на публике они ещё не выступали, но по вечерам часто пели втроём, хотя высокое сопрано Лотты возносилось над более скромными голосами её сестёр.

Господин Грубер согласился на трио и записал их на конкурс. Лотта поддерживала сестёр своим энтузиазмом и убеждала, что они разделят на троих этот потрясающий опыт, потому что никогда не любила быть в центре внимания, хотя и казалось, что она рождена для этого.

– Мы готовы? – спросил Манфред. Лотта повязывала золотые волосы шарфом, Биргит поправляла фартук. Все его дочери, белокурые и голубоглазые, были очень похожи и в то же время настолько разные, насколько могут быть три человека: Иоганна унаследовала волевые черты и энергичную манеру матери, Лотта отличалась игривостью и лёгкостью, а Биргит, тихая, застенчивая средняя сестра, всё ещё искала своё место в мире.

– Как мы выглядим, папа? – спросила Лотта, кружась в роскошной юбке.

– Как три самые красивые девушки во всём Зальцбурге. Подождите-ка. – Манфред достал из кармана три веточки эдельвейса, которые сорвал сегодня утром, на прогулке по Минсбергу. Он немало удивился, обнаружив эдельвейс, выросший на выступе известняка высоко над городом.

– Эдельвейс! – воскликнула Иоганна. – Где ты его нашёл?

– Где он обычно и растёт – в горах, – с улыбкой ответил Манфред и сунул по веточке с жёлтыми цветами и бархатистыми листьями в вырез платья каждой из дочерей. – Теперь вы не сёстры Эдер, а сёстры Эдельвейс! Настоящая сенсация!

– Что за чепуха, – пробормотала Хедвиг, но не смогла сдержать улыбку, и Лотта звонко рассмеялась, словно зазвенел хрустальный колокольчик.

– Сёстры Эдельвейс! – повторила она. – Изумительно!

– Мы сейчас опоздаем, – заметила Биргит, а Иоганна нетерпеливо цокнула языком.

– Что ж, пойдём. – Манфред хлопнул в ладоши, и вся семья покинула кухню, спустилась по лестнице и вышла на оживленную улицу. Непрерывный поток посетителей фестиваля направлялся к Фестшпильхаусу на Хофштальгассе, всего в полумиле отсюда, а Эдеры – в ресторан «Электролифт» на Монхсберг, где должен был проходить конкурс.

Лотта, как всегда, обаятельная, гарцевала впереди, очарованная карнавальная атмосферой. Одни посетители фестиваля нарядились в народные костюмы – ледерхозен и дирндли, другие оделись элегантно и модно. Настроение у всех было приподнятое, и сёстрам передалось это радостное волнение.

Когда Иоганна остановилась, чтобы покрепче завязать фартук, из узкого переулка на площадь перед ними выехал «Даймлер». Бледное лицо женщины смотрело из машины на толпу со скучающим безразличием.

– Все в порядке, Биргит? – спросил Манфред, улыбнувшись средней дочери, которая плелась чуть позади, теребя фартук.

– Да, папа. – Её лицо осветила лёгкая ответная улыбка, отчего оно стало почти красивым. Манфред потрепал её по руке. Он чувствовал особенную привязанность к ней, так похожей на него самого. В семнадцать лет закончив школу при монастыре, Биргит начала работать бок о бок с отцом, единственная из сестёр проявив интерес к сложной механике часов, катушкам, пружинам и шестерням, которые, соединившись вместе, могли отсчитывать время. Он надеялся, что она найдёт свой путь в жизни, и может быть, этот путь будет пролегать далеко от их маленького магазина.

Иоганна шла рядом с Хедвиг; если бы волосы жены Манфреда не начали седеть, мать и дочь можно было бы принять за сестёр, так очевидно они были скроены из одной и той же прочной ткани. Он верил, что суровость Иоганны что-нибудь смягчит, может быть, любовь, как вышло с Хедвиг.

А Лотта, его смешливая, милая младшая дочь? Она двигалась легко, как балерина, беззаботно поднимая лицо к небу, раскинув руки, наслаждаясь простыми радостями жизни. Что можно пожелать Лотте? Манфред лишь улыбнулся, глядя на неё.

Было за что благодарить судьбу в такой день, когда воздух был свеж и прозрачен, как вода, а небо – тёмно-лазурного цвета, и смотреть на него было больно, но все смотрели, упивались цветом, и воздухом, и видом гор. Кто мог не ахнуть или, по крайней мере, не пробормо-

тать «*вундербар*»², увидев эти горы, окружившие Зальцбург, эту корону, защищавшую город больше тысячи лет?

Это был день радости и хороших воспоминаний, потому что в Австрии в последние месяцы было слишком много неопределенности – в феврале вспыхнуло восстание социалистов, унесшее сотни жизней, в мае разорвалась бомба прямо здесь, в Зальцбурге, в Большом фестивальном театре. В июле канцлер Энгельберт Дольфус был убит австрийскими нацистами в ходе попытки государственного переворота, которая, к счастью, была подавлена в течение нескольких часов. Такая неопределенность делала каждый день бесценным.

Семья свернула на Хофштальгассе, слившись с большой толпой, направлявшейся к Фестшпильхаусу, где должны были состояться главные выступления фестиваля – Бруно Вальтер дирижировал «Дон Жуаном» Моцарта, дебютировал Артуро Тосканини.

Еще несколько минут, и они наконец прибыли в «Электролифт», впечатляющее здание из дерева и камня, окна которого выходили на старый город и возвышавшуюся над ним древнюю крепость Зальцбурга. Лотта ахнула, когда кабина лифта повезла их наверх, а Хедвиг не смогла сдержаться и, нахмурившись, схватилась за стенку.

Сам ресторан был обшит деревянными панелями и завешан зеркалами, так что казался огромнее, чем был на самом деле. Столы убрали, чтобы разместить как можно больше стульев, и почти все они уже были заняты.

– Не думала, что придёт столько народа, – встревоженно пробормотала Хедвиг, и Манфред успокаивающе ей улыбнулся:

– И хорошо, что столько. Аудитория – это важно.

Она беспомощно смотрела, как какой-то важный господин ведёт её дочерей к импровизированной сцене; улыбнувшись, Манфред обнял жену и повёл к отведённым им местам в первом ряду.

– Куда они пошли?

– За кулисы, готовиться. Не переживай. Они счастливы! – Он чуть сжал её руку, на его лице было написано искреннее удовольствие, но Хедвиг всё-таки было не по себе, и она нервно озиралась по сторонам.

В ресторан входили всё новые и новые зрители, гудели разговоры, звенел смех, все болтали и изучали программки. Хедвиг взглянула на листок, который ей вручил Манфред, и при виде слов «Трио сестёр Эдер» у неё закружилась голова. Ей казалось, что зал медленно уплывает вбок, и она не знала, как с этим справиться. Манфред положил руку ей на локоть.

– Скоро начнётся концерт.

И он начался. Несколько выступлений они прослушали молча, лишь аплодируя в нужных местах, впечатлённые голосами даже самых явных дилетантов. Поскольку конкурс проводила Ассоциация национальных костюмов, все участники были соответствующе одеты, все исполняли народные песни, и Хедвиг чуть расслабилась. Она знала много песен, а традиционная одежда, уже давно не повседневная для жителей Вены, ощущалась как что-то близкое, родное. Она начала наслаждаться концертом.

И вот на сцене появились их дочери – три прелестные девушки в дирндлях и клетчатых фартуках, светловолосые, розовощёкие, и Хедвиг увидела их словно в первый раз: высокую и сильную двадцатилетнюю Иоганну, отличную работницу; Биргит, которая могла казаться такой дружелюбной, когда стояла прямо и смотрела людям в глаза, и Лотту, очаровательную Лотту, всего шестнадцати лет от роду, с лицом чистым, как роса, с глазами голубыми, как небо, Лотту, жаждавшую всем нравиться, всех радовать, словно пришедшую из другого мира. Как можно было не полюбить Лотту?

² Чудесно (нем.).

И зазвучали их голоса, такие нежные и прекрасные, сплетаясь воедино в мелодию юности, невинности, чистоты. Хедвиг не сомневалась, что все вокруг растроганы так же сильно, как и она. Её сердце забилось чаще от болезненной любви к дочерям, и она окинула Манфреда гордым, счастливым взглядом. Он улыбнулся ей в ответ так нежно, что у неё зашипало глаза.

– Разве нам не повезло? – пробормотал он, взяв её ладонь в свою. – Разве нас не щедро одарил Господь?

Хедвиг смогла лишь кивнуть.

Сёстры Эдер не заняли первого места, не заняли вообще никакого, но никто из них не расстроился. Им было достаточно и того, что они вообще смогли спеть, а в конце вечера все только и могли говорить, что о семье фон Траппов, которые опоздали, но поразили всех потрясающей гармонией своего выступления, в котором приняли участие не трое, а целых девять детей, и мать тоже! Даже Хедвиг впечатлилась.

– Мария фон Трапп могла бы стать монахиней в аббатстве Ноннберг, – мечтательно прошептала Лотта, когда Эдеры возвращались домой в лиловых сумерках, и нежный, как шёлк, благоухающий ветерок ласкал их разгорячённую кожу. Посетители фестиваля отправились кто домой, кто в отель, чтобы переодеться в вечерние наряды и провести ночь в самом роскошном местном ресторане или клубе, так что улицы ненадолго опустели. – А потом стала гувернанткой у фон Траппов – тогда у них было только семь детей, и один из них сильно заболел, – и в итоге вышла замуж за их овдовевшего отца-барона. Ну разве не романтично?³

– Скорее неразумно, – с присущей ей прямоотой ответила Хедвиг. – Ну что может монахиня знать о детях? И как же её обеты? – Хедвиг была такой же верующей, как и её супруг, и не было в её жизни воскресенья, в которое она пропустила мессу, вечера, в который она легла спать, не помолившись по чёткам.

– Она не была монахиней, всего лишь послушницей, – заметила Иоганна, с любовью и лёгкой укоризной взглянув на Лотту. – Честно говоря, ничего тут такого возмутительного. К тому же с тех пор у неё самой родилось двое детей, так что она уж точно разобралась в этом вопросе. В антракте я с ней пообщалась. Она по-своему очень интересна.

– Ну, куда уж нам до неё, – буркнула Хедвиг. – Надо поспешить, а то пирожные на такой жаре испортятся.

– А тебе понравилось, папа? – спросила Лотта, кружась перед ними. Её юбка пышно развевалась, в золотых волосах играли лучи уходящего солнца. – Было чудесно, правда? Вся эта изумительная музыка... настоящий рай!

– *Вы* были чудесны, – со смехом ответил Манфред, – и, думаю, это вы сами хорошо знаете, но я всё-таки повторю ещё не раз. Сестрички Эдельвейс! Сохраните эти веточки на память.

Его жизнерадостная улыбка на миг погасла, когда его взгляд упал на шумную компанию мальчишек, толкавших друг друга и громко хохотавших. На некоторых были нарукавные повязки со свастикой, чёрный и красный цвета резко выделялись даже в сумерках. Один вывел что-то краской на кирпичной стене. Манфред смог разобрать слова *Blut und Ehre. Кровь и честь*⁴. Другой мальчишка, обведя взглядом Эдеров, резко выбросил руку вверх, словно бросая вызов.

– Хайль Гитлер! – выкрикнул он, и в его голосе прозвучали одновременно насмешка и угроза; нацистскую партию объявили в Австрии вне закона ещё год назад, но это не особенно подействовало на её сторонников.

³ История Марии фон Трапп впоследствии легла в основу бродвейского мюзикла «Звуки музыки» (1959).

⁴ Девиз и форма приветствия детской организации гитлерюгенд с 1926 по 1945 год.

Манфред опустил взгляд, обнял жену и, ничего не ответив, продолжал путь. Иоганна задумчиво обвела глазами светловолосых, стриженных, ясноглазых мальчишек. Биргит скривила губы и отвернулась. Один паренёк дерзко уставился в глаза Лотты, она вспыхнула и поторопилась нагнать отца.

– Поживее, девочки, – проворчала Хедвиг, хотя все уже отошли прочь от компании. – Становится поздно.

Тени стали длиннее, а небо – темнее, семья, прибавив шаг, торопилась на Гетрайдегассе, где ждали пирожные, и Лотта затянула последний куплет «Лорелей». Биргит и Иоганна охотно присоединились, и три голоса наполнили подступающую ночь меланхолической красотой.

*А скалы кругом все отвесней,
А волны – круче и злей.
И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.*

Глава вторая

Иоганна

Зальцбург, август 1936

В кухне было душно. Иоганна закатала рукава блузки, но та всё равно липла к лопаткам, а на груди выступил пот. Мать пекла хлеб, и Иоганна, конечно, тоже.

Она уже не помнила, кто и когда распределил между ними обязанности, но Биргит всегда помогала отцу в магазине, она – матери по дому, а Лотта... что делала Лотта? Она смеялась, и пела, и делала мир прекраснее, и никто не требовал от неё большего, потому что Лотта наполняла всё вокруг радостью и гармонией. В сентябре она должна была стать студенткой Моцартеума, изучать вокал, теорию и композицию. Их маленький жаворонок расправлял крылья.

– Иоганна, печка, – скомандовала Хедвиг, и девушка молча подошла к печи, сунула внутрь несколько поленьев и задвинула заслонку. Кухня её матери, думала она порой, была самой старомодной во всём Зальцбурге.

Хедвиг Эдер не признавала современных удобств; свою кухню она обставила по примеру той, где прошло её детство, и, войдя в это просторное помещение, можно было подумать, что вы оказались в тирольском фермерском доме. Здесь были деревянный стол и скамьи, большая печь, а пучки сушёных трав и связки лука свисали с потолка и болтались между старых медных кастрюль и сковородок. Правда, несколько лет назад она неохотно позволила мужу купить холодильник, поскольку было невозможно хранить пищу в леднике или ручье, как было принято у неё на родине, в горах.

Тем не менее Хедвиг настаивала, что всё нужно делать так, как было заведено в её детстве: печь хлеб, красить ткань, сушить растения, разливать варенье по банкам. Не хватало ещё делать всё это по-новому или, что ещё хуже, покупать в магазине! Достаточно и того, что ей, как всему Зальцбургу, приходилось брать молоко у молочника, каждое утро проезжавшему по улице под грохот бидонов. Будь у Хедвиг такая возможность, она держала бы корову.

И во всех домашних делах Иоганна была её помощницей.

Она взялась за эту роль с решительным прагматизмом, унаследованным от матери, и в молчаливой солидарности работала бок о бок с ней, находя удовольствие в маленьких достижениях: свежей золотистой буханке, накрахмаленной рубашке, отполированном столе. Она не особенно любила учиться, как ни старался отец привить ей свою любовь к музыке и книгам, и предпочитала практичное и осязаемое туманному и абстрактному.

Но спустя четыре года после того, как окончила школу при монастыре, где учились и её сёстры, незамужняя и не имеющая никакой надежды это изменить Иоганна стала чувствовать, что задыхается, и это было никак не связано с душной кухней.

– Вот так. – Мать вынула из духовки круглые буханки, и на её лице появилось выражение почти мрачного удовлетворения. – Готовы. – Она взглянула на часы, висевшие над дверью, и Иоганна потянулась за маленьким медным чайником, в котором они всегда варили кофе. Каждый день Иоганна относила поднос с чашками Биргит и отцу, а потом садилась за стол в кухне рядом с матерью, и они пили кофе в дружеской тишине.

Порой им составляла компанию Лотта, но чаще всего она брала свою чашку и уходила в гостиную сидеть за книгами, оставляя Хедвиг и Иоганну наедине. Место каждой из них было давно обозначено, Иоганна понимала это, но сегодня решила всё изменить.

Она подождала, пока сварится кофе, поставила на поднос чашки, блюда и стаканы с водой и понесла всё это в дальнюю комнату, где отец и сестра склонились над кусочками металла и, шурясь, разглядывали их – всё это казалось Иоганне таким утомительным.

– Спасибо, *майн шати*⁵, – с тёплой улыбкой сказал Манфред, и Иоганна опустила голову, слишком волнуясь, чтобы ответить. Ей было не присуще волноваться, она всегда была прямолинейна, порой почти до грубости, и порой отец смеялся, что при Иоганне никто не рискнёт вспомнить немецкую поговорку «*это не годится ни для варки, ни для жарки*» – она тут же наденет кастрюлю ему на голову и пристукнет кулаком. Иоганна смущённо улыбалась, принимая это за комплимент своей силе.

И эта сила сейчас была ей очень нужна.

Мать уже сидела наверху за столом и прихлёбывала кофе, наслаждаясь полуденным солнцем. Её спина, обычно прямая, теперь согнулась от усталости, лодыжки распухли от жары, так что она скинула туфли, и толстые вязаные чулки собрались вокруг ног слоновьими складками. Иоганна вдруг застыла в дверном проёме, поражённая мыслью, какой же *старой* выглядит мать – её волосы, как всегда, стянутые в тугий узел, стали скорее серыми, чем золотыми, на лбу прорезались глубокие морщины, по румяным щекам бежала паутина вспухших вен, крепкое тело обмякло.

Она никогда не была красивой, но муж, будучи на пять лет младше и на четыре дюйма ниже, был предан ей всю жизнь. Манфред встретил её, прогуливаясь неподалёку от Иннсбрука. Много раз он рассказывал Иоганне историю, как увидел Хедвиг, пасущую коз на лугу, и влюбился с первого взгляда. Иоганне казалось романтичным и вместе с тем нелепым, что её мать, такая простая, такая бесстрастная, могла молниеносно влюбиться в себя такого очаровательного и милого человека, как их отец, но не сомневалась в правдивости его слов, доказательство которых видела каждый день.

– Хорошо потрудились, – сказала Хедвиг, когда Иоганна опустилась рядом с ней. Так она говорила каждый день, будто для неё был написан сценарий пьесы, и она неизменно повторяла его строчка за строчкой.

– Да, хорошо потрудились, – послушным эхом откликнулась Иоганна. Она взяла чашку и тут же поставила обратно, не отпив ни глотка. – Мама...

Хедвиг сузила глаза, услышав многозначительный тон дочери.

– Что?

Иоганна набрала в грудь побольше воздуха, приподняла подбородок, посмотрела матери прямо в глаза. За этот прямой взгляд её всегда хвалил отец.

– Я хочу поступить в школу.

– Что? – выдохнула Хедвиг. – Ты уже отучилась в школе.

– Это я знаю очень хорошо, – ответила Иоганна. – В декабре мне будет двадцать три. Я имею в виду, мама, что хочу поступить в школу секретарей. Научиться печатать, стенографировать и всё такое... – По правде говоря, она и сама не могла точно сказать, чему её будут учить, она просто увидела листовку в Национальной библиотеке, рекламирующую секретарские курсы для молодых женщин, но эта листовка лишь расплывчато обещала «достойную заработную плату и приличную работу в офисе». Этого хватило, чтобы покорить Иоганну.

Мать медленно покачала головой, скорее недоумевая, чем отказывая, и это дало Иоганне возможность хоть немного надеяться.

– Зачем тебе это надо? – спросила Хедвиг, явно сбитая с толку.

– Потому что я хочу *работать*. Хочу зарабатывать деньги, ты же понимаешь. Приносить пользу...

⁵ Моё сокровище (*нем.*)

– Нам не нужны деньги, – быстро ответила Хедвиг. – Уж точно не настолько. Не надо делать этого ради нас, Иоганна! – Теперь в её голосе звучали облегчение и упрёк, будто её дочь всего лишь хотела внести несколько шиллингов в банку над плитой.

Иоганна сделала глоток кофе, борясь с растущим, но вполне ожидаемым раздражением. Она знала, что мать, закостеневшая в своих привычках, воспротивится этой идее. В мире Хедвиг женщины не работали в офисах наравне с мужчинами. Они пекли хлеб, штопали рубашки, гордились начищенным чайником и блестящими полами. Они сидели дома, пока не выйдут замуж, а потом перебирались в дом мужа и занимались в точности тем же самым. Так всегда было и всегда будет, вечно, без конца, аминь.

Иоганна аккуратно поставила чашку на блюдце. Этот фарфоровый сервиз её родителям вручили в качестве свадебного подарка, и Хедвиг гордилась каждым его предметом.

– Я хочу... что-то *делать*, – сказала она.

– Что-то делать? Разве тебе нечем заняться? Мало шитья, штопки, стирки, готовки? Тут всегда найдётся что делать, Иоганна. Если бы я знала, что ты такая неутомимая, загрузила бы тебя работой как следует. – Мать покачала головой и допила остатки кофе, давая понять, что разговор окончен.

– Я имею в виду... *что-то другое*, мам. – Иоганна старалась, чтобы её тон звучал сдержанно.

– И что же?

– Ну мам... я серьёзно... – Она печально посмотрела на мать. – Ты же понимаешь, что я не замужем.

– Пфф. Рано или поздно встретишь своего человека.

Интересно, как, подумала Иоганна. Не могла же она пасти коз, как её мать, на Гетрайдегассе, а в церкви Святого Блазиуса, где Эдеры каждое воскресенье посещали мессу, больше не было подходящих мужчин. Все трое потенциальных женихов разъехались: один перебрался в Вену, другой стал священником, а третий – школьным учителем. Не считая церкви, она никуда больше не ходила. У неё не было возможности с кем-нибудь познакомиться.

Несколько лет назад она состояла в клубе молодых альпинистов «Натурфройнде», который спонсировал походы на Моншсберг и Унтерсберг, через Зальцкаммергут. Однажды даже была лыжная прогулка. Иоганна вспомнила, как провела ночь в грубой горной хижине, крошечные окна которой были завалены снежными сугробами; она жарила на костре сосиски и не ложилась спать допоздна, болтая и смеясь с другими девушками. Там был мальчик – нет, мужчина, на несколько лет старше неё, – который улыбнулся ей, когда она пристёгивала лыжи. После того как она накаталась с холма, он подъехал к ней и предложил понести их. Смутившись, она отказалась, и он больше не предлагал. И всё же при этом воспоминании сердце Иоганны начинало биться чуть быстрее.

Но «Натурфройнде», как и другие австрийские клубы и общества, была распущена два года назад в связи с созданием Штандештаата, однопартийной системы федерального государства Австрии. Отец, рассуждавший трезво, утверждал, что это было необходимо, чтобы Австрия могла оставаться сильной и противостоять нацистской агрессии, но Иоганна скучала по своим прогулкам в горах и надежде на что-то большее.

– Мне нужно не только это, – убеждала она мать, несмотря на непроницаемое выражение лица Хедвиг. – Мне нужна... *жизнь*, мама! Я не собираюсь всю её провести в твоей кухне.

Мать отпрянула, ее обветренное лицо сморщилось от боли, прежде чем она встала и быстро собрала посуду, хотя Иоганна еще не допила свой кофе.

– Не думала, что для тебя это такая пытка. – Её голос был хриплым от обиды. Чашки и блюдца зазвенели, когда она поставила их в мойку не так бережно, как обычно обращалась со своим драгоценным фарфором.

– Это не пытка. – Иоганна из последних сил старалась побороть в себе отчаяние и гнев. – Но однажды я захочу свой дом, свою кухню. – *Свою жизнь*, подумала она. – И если у меня будут какие-то навыки... – Она решила сменить тактику. – В любом случае, ты же понимаешь, женщины должны будут работать, если начнётся война.

– Война! – Хедвиг резко обернулась, её глаза метали молнии. – Иоганна, не будет никакой войны!

В отличие от матери Иоганна читала газеты: и «Зальцбургер Фольксблатт», и венскую «Винер Нойесте Нахрихтен». Она знала о том, что очень многие из австрийцев хотели бы, чтобы их страна стала частью Германии, великой Германии; она знала, что в марте Германия беспрепятственно вошла в Рейнскую область, чтобы претворить в жизнь это желание. Гитлер беззастенчиво перевооружался, хотя многие предпочитали делать вид, будто этого не замечают. Банды мальчишек в коричневых рубашках, бродившие по Зальцбургу, стали больше и злее, взгляды этих мальчишек – куда более вызывающими, чем всего пару лет назад.

Порой Иоганна смотрела на этих молодых людей со скрытым любопытством. В их дерзкой чванливости, в их белокурой уверенности было что-то интригующее и даже волнующее. Она знала, как сильно отец презирает Гитлера и его приспешников, называя их рабами, но не видела ничего рабского в том, как эти молодые люди рассекали по улице, словно она им принадлежала.

– С чего вдруг ты заговорила о войне? – пробурчала Хедвиг и застучала кастрюлями, начиная готовить ужин. – Прошлая была не так давно.

– Почти двадцать лет назад.

– И глянь, что из этого вышло! – Хедвиг вскинула руку и очертила круг в воздухе, словно стараясь охватить дом, город, весь мир. – Всё развалилось. Всё!

Отец Иоганны часто оплакивал потерю мира, в котором он рос, мира, где Австро-Венгерская империя простиралась от Швейцарии до России и включала в себя пятьдесят миллионов человек, имевших полную свободу передвижения, мысли и веры. Нынешнее федеральное государство Австрия было, по мнению Манфреда Эдера, не более чем корзиной объедков, кучкой осколков, которые никто не хотел склеивать вместе, чтобы восстановить страну, а потом управлять железной рукой, чтобы сохранить ее в целостности.

– Где наша идентичность как нации, наша культура как народа? – спрашивал он иногда, собрав своих друзей в их гостиной, неформальном салоне членов Христианско-социальной партии и ветеранов войны, которые говорили о политике и религии и мечтали всё вокруг изменить.

С точки зрения Иоганны они были просто компанией ворчливых стариков, за бренди и сигарами оплакивающих времена, которых давно нет. Всё, что знала она, было это – маленькая страна, а не империя, провинциальный город, который каждое лето во время фестиваля пытался ненадолго стать городом-космополитом. И кухня. *Вечная кухня*.

Она вздохнула, зная, что ей нужно утихомирить и убедить мать, если она хочет хотя бы немного надежды на достижение своей скромной цели.

– Даже если войны не будет... мир меняется, мама, во многом. Я хочу освоить полезные навыки. – Когда Хедвиг не ответила, Иоганна добавила, не в силах сдержать напряжения: – Если Лотта может учиться музыке, почему я не могу учиться печатать?

Хедвиг пренебрежительно фыркнула, стоя спиной к Иоганне, жёсткая и непреклонная. Внизу прозвенел звонок, кто-то вошел в магазин, и она услышала весёлый голос отца, приветствовавшего потенциального покупателя.

О, эта жизнь, подумала Иоганна, никогда не меняется. Изюм в день всегда одно и то же – готовка, уборка, штопка, шитье. Здесь Иоганна проведёт её всю, здесь же и умрёт, и никогда ничего не случится.

– Ты не назвала мне причину, почему нет, – заявила она, и Хедвиг обернулась, с силой ударив руками по столу. Громкий звук эхом разнесся по комнате.

– Какую тебе ещё причину? Ты нужна здесь, и у нас нет денег на твою учёбу. *Да гешидере гибт нох!* – *есть ещё и другие*, значили эти слова, *уступи, перестань упрямитесь*.

Иоганна отвела глаза, борясь с желанием огрызнуться. Ничего хорошего из этого выйти не могло, но и сдаваться она не собиралась. Во всяком случае, теперь.

– Я их верну, – пробормотала она наконец, ненавидя себя за то, что её голос всё-таки дрогнул. Ослабел. – Когда найду работу.

– Работу, работу! – Хедвиг вскинула руки в воздух. – У тебя полно работы. Вот, – она бросила на стол тяжёлый мешок с грязной картошкой, а на Иоганну – многозначительный взгляд, – чисть.

Иоганна молча поднялась, взяла нож и принялась за картошку, а Хедвиг повернулась обратно к своим кастрюлям. В тишине был слышен только скрежет ножа, счищавшего длинные, грязные витки кожуры – чирк-чирк. Обе женщины словно ошетинились.

Снизу раздались смех, хлопанье и лягз двери, закрывшейся за ещё одним довольным покупателем. Воздух в кухне был густым и тяжёлым от недоброго предчувствия. Чирк-чирк.

Спустя бесконечные пять минут тишины постучали в дверь, на этот раз со стороны дома, в ту дверь, которая вела прямо наверх. Иоганна отложила нож.

– Я открою. – Она выбежала из кухни, довольная, что хотя бы ненадолго покинет гнетущую атмосферу. Смягчится ли мать хоть когда-нибудь? Нужно было придумать другой способ. Какой-нибудь, какой угодно; нужно заставить её изменить решение.

– А, это ты. – Она не смогла скрыть неприятных ноток, зазвучавших в её голосе, стоило ей увидеть Яноша Панова, точильщика ножей, раз в несколько недель обходившего все дома и магазины на Гетрайдегассе со своей тележкой, ярко размалёванной и украшенной разноцветными флагами. Грязная кепка была надвинута на его сальные волосы, улыбка обнажала поломанные зубы в пятнах табака.

– Здравствуйте, фройляйн Эдер. – Его тон был заискивающим, и если обычно Иоганна чувствовала к нему жалость, то теперь – одно только раздражение.

– Нам сегодня не нужно точить ножи, – сказала она, хотя и понимала, что мать рассердится. Им всегда нужно было точить ножи, но в таком настроении она была не способна даже пять минут развлекать простодушного точильщика. Его жалкое выражение лица и льстивые манеры напомнили Иоганне, что если мать не сжалится, он останется единственным мужчиной, с которым она обречена флиртовать.

– Уверены, фройляйн? – спросил он. – Ведь уже две недели прошло.

– Уверена, – отрезала Иоганна и захлопнула дверь перед его носом. Глубоко вдохнула и медленно выдохнула. На миг на глаза навернулись слёзы, но она сморгнула их. Она не расплачется. Не выдаст свою слабость даже самой себе.

Хедвиг стояла на лестнице, уперев руку в бок, её невозмутимая фигура вырисовывалась в гаснущих солнечных лучах.

– Кто стучал?

– Да просто болван-точильщик, – пренебрежительно ответила Иоганна. В ней клочкотали гнев, тоска и, что хуже всего, давящее отчаяние. Повернувшись, она сморгнула последние слёзы. – Этот еврейский идиот.

– Иоганна! – Услышав голос отца, полный тревоги и боли, она замерла. – Как ты можешь такое говорить?

Манфред стоял в дверном проёме магазина, сгорбленный и печальный, его карие глаза были грустными.

– Но ведь так и есть, – с вызовом ответила Иоганна, пусть даже её щёки вспыхнули. Она знала, что так говорить и впрямь не следовало, и даже сама уже пожалела о сказанном, но

обида и раздражение вытаскивали из неё злые слова. – Он плюётся табаком, и от него воняет. Терпеть его не могу.

– Он такой же человек, – тихо сказал Манфред. – И наш Господь и Спаситель был евреем. Они – избранный Богом народ, Иоганна. Никогда не забывай об этом.

– Это просто точильщик ножей! – воскликнула Иоганна. – Даже мама зовёт его грязным. Почему тебя это так расстраивает?

Манфред молчал, уголки его рта опустились вниз, во взгляде читалась такая скорбь, что Иоганна съёжилась, сжала руки в кулаки, чтобы не начать теревить фартук. Почему она вообще сказала отцу такие слова? Она не хотела их говорить, конечно же не хотела, она всегда жалела Яноша. Она просто ляпнула, не подумав, но что тут такого ужасного? Многие люди гораздо хуже отзывались о евреях.

– Меня это расстраивает, потому что в мире слишком много зла, – тихо ответил отец, – и я знаю, как легко забыть об этом. – Иоганна покачала головой, то ли не понимая его слов, то ли не желая понять. – К тому же, – продолжал он, – Янош Панов родился в бедной семье, рано осиротел, его изгнали из России люди, ненавидевшие его только за то, кем он родился. У него не было возможности получить образование, обеспечить себя. Он много трудился и нашёл, как заработать себе на жизнь. И уже хотя бы за это мы должны его уважать. – Манфред помолчал. – Если он тебя как-то обидел...

– Нет-нет! – нетерпеливо крикнула Иоганна. – Но это неважно. Это всё неважно.

Отец шагнул к ней, его лицо стало очень серьёзным.

– Это очень важно, Иоганна, *майн шатц*. Это значит очень многое. И самый мой большой страх в эти тяжёлые времена – что это станет неважным, перестанет иметь значение, хотя такого никогда не должно произойти. Ты понимаешь?

Иоганна смотрела на отца, на его худые, поникшие плечи, простодушные, но серьёзные добрые глаза, грустную улыбку. Он казался хрупким, но в нём была внутренняя сила, на которую – она знала – она всегда опиралась.

– Иоганна?

Она кивнула, не в силах смотреть ему в глаза.

– Я понимаю.

Какое-то время он продолжал смотреть на неё, и этот испытующий взгляд напомнил Иоганне об отце Иосифе, которому она исповедовалась, о том, как блестели его глаза, почти неразличимые за решётчатой ширмой.

– Очень хорошо, – ответил он мягко, принимая её слова, но не вполне им веря. Не в силах больше оставаться с ним рядом, Иоганна повернулась и унеслась наверх. Мать угрюмо кивнула ей в знак солидарности, когда она вошла в кухню и вновь взялась за нож.

Глава третья

Биргит

Сентябрь 1936

– Проблема Австрии, – прохрипел Ганс Пильхер сквозь лающий кашель, – в том, что это страна без собственной культуры, нация, кое-как склеенная из различных частей, из остатков империи. – За этими словами последовал новый приступ кашля, а другие мужчины, сидевшие рядом с ним в гостиной Эдеров, понимающе кивнули.

Биргит всё это уже слышала, и неоднократно. Раз или два в месяц отец собирал у себя единомышленников – таких же ветеранов войны, как он сам, посетителей церкви, членов Христианской социальной партии, которые с большой неохотой приняли новое правительство Австрии, фашистский Отечественный фронт, как единственный способ борьбы с безоговорочной агрессией национал-социалистов. Они говорили о книгах, искусстве и музыке, религии и философии, а затем дискуссия неизбежно переходила к политике или, точнее, заявлениям о борьбе Австрии как страны, постоянной угрозе гитлеровского вермахта, который двигался вперёд гусиным шагом, и жалобам на многочисленных пронацистских сторонников в Зальцбурге и, по сути, во всей Австрии.

– Трудность, – заявил Генрих Шмидт, – заключается в том, что сегодня слишком много людей путают нашу культуру с немецкой. Мы не немцы. Мы австрийцы!

– Да, да!

– Именно так, герр Шмидт, именно так!

Несколько человек заколотили кулаками по столу и подлокотникам, а герр Шмидт откинулся на спинку кресла, довольный своим заявлением.

Биргит беспокойно ёрзала на жёстком стуле в углу, который ей пришлось занять, чтобы уступить мужчинам, страдавшим от старых военных ран, удобные места на диванах и креслах. Лотта уселась на скамеечке у ног отца и с восторженным выражением лица внимала грудному кашлю и трубным заявлениям. Биргит не понимала, как сестре может быть интересно то, что обсуждала компания седых стариков, пахнущих табаком и сосновой мазью. Тем более что они обсуждали одно и то же месяц за месяцем, год за годом, и вдвое настойчивее – с приходом к власти Отечественного фронта.

Иоганна, по крайней мере, убежала на кухню, чтобы помочь матери принести кофе и пирожные, а обслужив всех, вслед за Хедвиг удалилась в святая святых их личного пространства. Теперь они пили кофе в молчаливой солидарности, а Биргит продолжала терпеть, незамеченная, невидимая.

Она привыкла быть невидимой. Средней сестре Эдер не досталось ни сильной воли и чувства юмора Иоганны, ни красоты и обаяния Лотты. Никто не говорил ей об этом, но факт был очевиден, стоило лишь посмотреть в зеркало. Как и у сестёр, у неё были светлые волосы и голубые глаза, но на этом сходство заканчивалось.

У Иоганны были чёткие, волевые черты и мужественный подбородок. У Лотты – фарфоровая кожа и нежный рот, похожий на бутон розы. Лицо Биргит напоминало картофелину. Иногда, в самом мрачном настроении, она думала, что Бог, должно быть, собрал всё, что осталось от решительности Иоганны и очарования Лотты, и слепил её, Биргит.

Её волосы были цвета грязного снега, цвет лица – ненамного приятнее, глаза, хоть и голубые – крошечные, «как изюминки в пудинге». Так со злорадной злобой сказала о ней одна из учениц воскресной школы. Когда она не улыбалась, она казалась такой мрачной, что прохожие

на улице просили её не хмуриться: «От твоего взгляда молоко скиснет!» Биргит и не хотела хмуриться, но когда она улыбалась, ей казалось, она выглядит жалкой и отчаявшейся, а порой просто умалишённой. Выхода не было.

Её таланты были такими же скромными, как внешность. Биргит ничем не примечательна, заявила одна из монахинь в школе, печально покачав головой. Она прилично разбиралась в необходимых областях – чтении, письме, арифметике, истории, – но ничто никогда не возбуждало ее воображение, и у неё никогда не было причин выделяться. Её не выбирали для участия в спортивных состязаниях, она не играла сольных и главных ролей в рождественских концертах или пасхальных спектаклях. Она могла петь, пожалуй, не хуже Иоганны, но по сравнению с чистым, как трель жаворонка, голосом Лотты её пение было, как и многое другое, просто приличным, но уж точно не примечательным.

Зажатая между двумя сестрами, каждая из которых выделялась по-своему, Биргит рано поняла, что ей придется много работать, чтобы оставить хоть какой-то след. В восемь лет, наблюдая, как отец чинит позолоченные каминные часы, она решила, что посвятит себя тому, чем он занимался, – часовому делу.

Профессия давалась ей нелегко, возиться с таким количеством крошечных, разрозненных деталей было сложно, она часто путалась, и только из-за её неподдельного интереса отец позволил ей стать его ученицей, когда ей исполнилось шестнадцать. Потребовалось много знаний и сосредоточенности, чтобы разобраться, как шестерни и колеса работают в идеальном балансе и изысканной гармонии; как энергия пружины, высвобождаясь, вращает колёса, как они толкают маятник, он продолжает качаться благодаря гравитации, а стрелки часов отсчитывают время.

Теперь часы изготавливались по большей части на фабриках, к большому неудовольствию отца, и он специализировался на ремонте часов, особенно старых, разбирал их, чтобы заменить колесо или пластину или починить заклёпку. На восемнадцатый день рождения отец с большой гордостью подарил Биргит набор собственных инструментов – штангенциркуль, напильники, плоскогубцы, ножовку, кернер и клепальный молоток, всё в кожаном футляре. Правда, Биргит втайне надеялась, что он мог бы добавить «и дочь» к вывеске «Часовщик Эдер» на маленьком магазине, но он этого не сделал, а у неё не хватило уверенности предложить.

Впрочем, ладно – ей было достаточно и того, что она могла работать вместе с ним. Ей нравилось трудиться бок о бок, молча, если не считать редких замечаний о том, чем они занимаются. Посмотри на этот механизм, порой говорил отец. Или: видишь, как прыгает рука? Это называется «дрожание часов». И она кивала и что-то бормотала в ответ.

И все же, несмотря на их долгие дружеские отношения, Биргит с горечью, которую старалась в себе подавить, видела – это Лотта сидела на табурете у его колен, это кудри Лотты он гладил своей узловатой рукой, повернувшись к Гансу Пильхеру и интересуясь, как идут дела в его обувном магазине на Линцергассе. Биргит отвернулась, а герр Пильхер забубнил что-то об агониях инфляции, обанкротившей множество предприятий, в том числе его собственное.

– Но людям всегда нужна будет обувь, герр Пильхер, – жизнерадостно заметил отец. – И всегда нужно будет знать, сколько времени.

Краем глаза Биргит уловила, куда смотрит отец и кому адресована его улыбка – не ей, его неизменной помощнице, как это было когда-то, а новому посетителю их маленького салона – Францу Веберу.

При одном лишь взгляде на Франца Вебера Биргит вновь почувствовала, как её обжигает яростное чувство несправедливости. Он появился в магазине всего неделю назад. Отец был по уши в работе, чинил настенные часы в стиле бидермейер, так что, когда звякнул колокольчик, Биргит поднялась, разглядела юбку и вежливо улыбнулась, как она думала, посетителю.

– *Гросс готт, майн герр*⁶. Чем могу быть полезна?

Высокий и худой мужчина чуть нагнулся, входя, стянул шляпу и продемонстрировал Биргит пышные тёмные кудри. Он с живым интересом обвёл взглядом магазинчик с множеством часов и, когда Биргит заговорила, улыбнулся ей самой очаровательной улыбкой.

– Надеюсь, вы мне поможете, фройляйн. Я ищу герра Эдера.

– Герр Эдер сейчас очень занят, но если вам нужно починить часы или вы хотите приобрести новые, я уверена, что смогу вам помочь. – Биргит привыкла к тому, что все посетители хотели видеть её отца и часто были недовольны, что приходится общаться с дочерью, но многие со временем к ней привыкли.

– Боюсь, что мне не нужно ни чинить часы, ни приобретать новые, – ответил он, всё так же улыбаясь, и Биргит почувствовала, что он над ней насмехается, пусть и немного. – Я пришёл сюда работать. Герр Эдер берёт меня в ассистенты.

– Что? – Это слово или, вернее сказать, потрясённый стон вырвался у Биргит, прежде чем она сумела придумать что-то получше. Она глупо тарачилась на него, поражённая его словами, полными дружелюбной уверенности. Отец берёт его в ассистенты, тогда как она, она была его ассистенткой четыре с лишним года? И ни слова ей об этом не сказал?

– Вижу, я вас удивил. – Улыбка мужчины стала шире, на худой щеке появилась ямочка. Он был таким обаятельным, его глаза – такого глубокого шоколадного цвета, кудрявые волосы – такими непослушными и буйными, что Биргит невзлюбила его с первого взгляда.

– Весьма, – отрезала она. – Отец не говорил, что собирается брать ассистента. – Ей хотелось закричать, что это она – его ассистентка, но она сдержалась.

– Тогда вам придётся у него спросить. Или он слишком занят и его нельзя беспокоить?

Биргит вновь почувствовала, что над ней издеваются. Ей вновь стало неприятно.

– Я с ним поговорю, – коротко ответила она и, не сказав больше ни слова, повернулась и пошла прочь, хотя и понимала, что такое поведение граничит с грубостью.

Отец склонился над внутренностями настенных часов, хмуро глядя из-под пенсне на сломанный механизм. Он не услышал, что зазвонил колокольчик, не заметил, что Биргит пошла открывать, так он был сосредоточен.

– Папа, к тебе посетитель, – сказала Биргит громче, чем обычно, чтобы привлечь его внимание. – Он говорит, что станет твоим ассистентом.

– Ах да, точно! Герр Вебер! – Оторвавшись от часов, Манфред просиял такой лучезарной улыбкой, что Биргит ожгло ещё сильнее. – Да, я сегодня его ждал. Только забыл.

– Ты не говорил мне о нём, – заметила она, и в её голосе прозвучала обида, которую она не могла не скрыть.

– Разве? Ну... бывает. Прости, милая. Всё это случилось, видишь ли, очень быстро.

– Быстро? К чему такая спешка?

Манфред рассеянно улыбнулся дочери.

– Ну, ты же знаешь, как это бывает. Слышишь имя, и всё тут же решено. Ну, давай его встречать! Уверен, у мамы найдётся что-то вкусненькое.

Биргит вслед за отцом пошла в гостиную, где он приветствовал герра Вебера с безудержным энтузиазмом, которого она не разделяла. И судя по насмешливому взгляду герра Вебера, он это понял.

Они поднялись в дом, и Хедвиг, хоть и была застигнута врасплох, как и Биргит, сумела предъявить гостю посыпанный сахарной пудрой гугельхупф⁷, который готовила к обеду. Она сварила кофе и велела Иоганне принести его в гостиную, и та не удержалась, чтобы не бросить на гостя любопытный взгляд, на который он с таким же любопытством ответил.

⁶ Здравствуйте, господин (нем., уст.).

⁷ Австрийский сливочный кекс.

Её старшая сестра – и Биргит это понимала – не отличалась кукольной, конфетной красотой, которая нравится многим мужчинам, но всё же её можно было назвать красивой. Длинные светлые волосы, заплетённые в косы, лежали у неё за ушами, голубые глаза прямо и строго смотрели из-под густых бровей. Она была почти такого же роста, что их гость, и крепкой фигурой напоминала амазонку, тогда как рыхлое тело Биргит было больше похоже на клёцку. Но как бы то ни было, для Биргит не имело никакого значения, понравилась гостю её сестра или нет. Он не нравился ей, и этого было достаточно. Отец представил их друг другу:

– Это Иоганна, наша старшая, большая мамина помощница. Биргит вы, конечно, уже видели. Она трудится со мной в магазине. А Лотта, самая младшая, на занятиях. Она недавно поступила в Моцартеум, милый наш жаворонок! Дочки, это Франц Вебер, он станет моим ассистентом.

Биргит смотрела, как отец и Франц обмениваются дружелюбными улыбками и любезностями, и недоверие понемногу сменялось гневом. Франц был из Вены и приехал в Зальцбург только вчера. Она не могла поверить, что её отец заставил его проделать весь этот путь из Вены – и чего ради? Работы было не так много, чтобы ему вдруг понадобился ещё один ассистент. Мать и Иоганна, судя по всему, были сбиты с толку не меньше неё, хотя последняя явно обрадовалась, особенно когда стало ясно, что Франц будет жить у них, как обычно и бывает с ассистентами.

– Можешь занять маленькую комнату на чердаке, – предложил Манфред. – Летом в ней жарко, зимой холодно, но мы постараемся сделать её как можно уютнее, и так у тебя и у нас будет личное пространство.

Хедвиг тут же отправилась убирать эту комнату. Манфред повернулся к Францу с вопрошательной улыбкой, и тот склонил голову в знак признательности.

– Я так вам благодарен за помощь, герр Эдер.

– Мне только в радость, и, прошу, зови меня Манфред.

Биргит молча кипела гневом, пока они болтали и болтали, а потом Франц повернулся к Иоганне и попросил её рассказать о себе. К изумлению Биргит, сестра принялась разглагольствовать о том, как обожает ходить в походы, и о клубе альпинистов, в котором состояла несколько лет назад. Насколько помнила Биргит, она лишь несколько раз ходила в поход, а потом жаловалась на холод.

– Мне, поскольку я жил в Вене, выпало очень мало возможностей побродить по горам, – улыбнувшись, заметил Франц Вебер. – Но я с нетерпением жду, когда увижу здешние.

– Мы отведём тебя на Унтерсберг, – заявил Манфред, – под которой, как говорит легенда, спит Карл Великий. С неё открывается лучший вид на город.

– Не могу дождаться, – ответил Франц, при этом глядя на Иоганну. Биргит, как обычно, была невидима.

В общем-то, этого следовало ожидать, но когда на следующее утро Франц занял место на скамейке рядом с отцом, которое всегда занимала она, с тех самых пор, как ей исполнилось шестнадцать, она с трудом сдержалась, чтобы не накричать на него или, ещё того хуже, заплакать.

Как это могло произойти? Почему отец не сказал ни слова? Ответ, так пугавший Биргит, был таким же, как на многие другие вопросы: потому что её никто не замечал.

Она забила в уголок, где свет был тусклым, и молча слушала, как отец рассказывает Францу о часах. Спустя несколько минут деликатных наставлений Манфреда ей стало ясно, что Франц Вебер совершенно не разбирается в этом вопросе. Отец говорил с ним так, как говорил с Биргит, когда она была восьмилетним ребёнком, и, указывая на колёса и коробку передач, платину и маятник, называл их, а у Франца при этом был вид человека, который впервые об этом слышал. А вот её место занял с уверенностью и стал ассистентом её отца.

Она молчала остаток дня и весь следующий день, пока отец и Франц работали бок о бок. Лишь утром третьего дня, когда Франц по просьбе Манфреда пошёл встречать доставщика проволоки, она поняла, что больше не в силах держать это в себе.

– Я не понимаю, папа, – заявила она, стараясь говорить резонно, а не обиженно или сердито, – зачем ты нанял человека, который, кажется, понятия не имеет, что у часов внутри.

Отец чуть заметно улыбнулся, убирая инструменты, прежде чем идти наверх обедать.

– Франц окончил университет Вены и получил диплом математика, – ответил он мягко. – Он более чем квалифицирован для работы в моём маленьком магазине.

– Но у него совсем нет опыта! – возмутилась Биргит. – Он смотрел на шестерни венского регулятора, которые ты ему показывал, как будто это что-то из другого мира.

– А это и есть другой мир. Мне выпала честь показать ему механизмы этой миниатюрной вселенной и то, что она является всего лишь призрачным отражением сложной работы Божьего творения. – Он усмехнулся. – Мне еще предстоит убедить его в последнем, но я с нетерпением жду дебатов.

Биргит слышала, как отец и Франц обсуждали философию так называемого логического позитивизма, которую Франц изучил в Вене и теперь довольно решительно заявлял, что единственные значимые философские проблемы – это те, которые могут быть решены с помощью логического анализа. Биргит даже не пыталась понять то, о чём они весело разглагольствовались, зато Лотта слушала как всегда завороченная, и даже Иоганна в кои-то веки отважилась выйти из кухни, чтобы посидеть с ними, хотя, как и Биргит, не произнесла ни слова.

– И всё-таки я не понимаю, – вновь сказала Биргит, когда отец ставил на место чемодан с инструментами. – Работы не так много, чтобы тебе требовался ассистент. *Ещё один ассистент*, – многозначительно сказала она, и на лице отца отразилось, о ужас, сочувствующее понимание.

– Ох, Биргит, *майн шати*, так вот в чём дело! – Он положил руку ей на плечо. – Дело не в тебе, Биргит, совсем нет. Ты ни секунды не должна думать, что я был недоволен твоей работой, твоей безропотной помощью. – Он улыбнулся и сжал её плечо. – Тут происходит кое-что посерьёзнее, и мы должны довериться Господней воле. А теперь пойдём. Мама приготовила обед, и сдаётся мне, я чувствую запах тафельшпица⁸.

Так что Биргит вслед за отцом поплелась наверх, не сказав больше ни слова...

Слушая рассуждения герра Шмидта – *истинная Германия не в духе времени* – Биргит почувствовала, что больше не вынесет. Всю неделю она наблюдала, как Франц Вебер обучается искусству ремонта часов, обнаруживая ловкость, какой у неё никогда не было. Возясь с крошечными механизмами и хрупкими инструментами, он виновато улыбался отцу, и Манфред убеждал его, что он отлично справляется, а Биргит по-прежнему не замечали.

Она выскользнула из душного салона, окна которого были закрыты, чтобы пожилые гости не простудились, и сбежала вниз по ступеням к боковой двери, ведущей во двор. Иоганна, вернувшись с кухни, окликнула её, когда она тянулась за пальто:

– Куда ты, ради всего святого, собралась?

– Просто прогуляться.

– *Прогуляться?*

Никто из них никогда не гулял по вечерам, тем более теперь, когда шумных банд в коричневых рубашках стало больше, о чём предупреждал отец.

– Я на минутку, – ответила Биргит, быстро застёгивая пуговицы. – Тут так душно, и я не могу больше слушать кашель герра Пильхера.

– Биргит...

⁸ Блюдо венской кухни, говядина, отваренная с суповой зеленью и сервированная яблочным пюре с добавлением тёртого хрена.

– Скоро вернусь, – пообещала она и выскользнула за дверь, прежде чем Иоганна успела сказать что-то ещё.

Вечерний воздух был полон осенней прохладой, вершины гор, окруживших город, уже покрылись снегом. Низко опустив голову и обхватив себя руками, Биргит шла по Гетрайдегассе. Она не знала, куда идёт; правда заключалась в том, что идти ей было некуда. Магазины уже закрылись, идти в кофейню одна она никогда бы не решилась. К тому же у неё и денег не было.

Биргит брела по мощёной улице, пока она не сузилась и не перешла в Юденгассе, еврейский переулок, где в Средние века находилась синагога, пока всех евреев не выгнали из города. Биргит знала эту жестокую историю – как еврейскую общину обвинили в Чёрной Смерти, как их сожгли живьём в этой синагоге, а потом здесь обосновались другие евреи, но их выгнали, и они не возвращались триста пятьдесят лет.

Даже теперь в Зальцбурге были синагога и маленькая еврейская община, хотя Биргит не знала ни одного еврея, кроме точильщика ножей и Макса Рейнгардта, основателя Зальцбургского фестиваля, и то с последним не была знакома лично. Но она знала, что многие ненавидят эту нацию, хотя не понимала, почему. Это было одно из явлений мира, которые просто были, и всё, и можно было только пожать плечами и продолжать жить, потому что больше ничего не оставалось. Что ей до евреев? Она могла думать только о Франце Вебере и о том, как было бы хорошо, если бы он никогда не приезжал в Зальцбург.

Биргит замедлила шаг, увидев толпу, собравшуюся там, где Юденгассе пересекалась с Альтер-Марктплатц, самой старой рыночной площадью города, с фонтаном в центре. Даже несмотря на расстояние, Биргит почувствовала враждебный настрой этой толпы. От людей исходил звериный жар, маниакальный пыл. Они поднимались по мраморным ступенькам фонтана Святого Флориана, и что-то – вернее, кто-то – привлекло их злобное внимание. Биргит инстинктивно отступила в тень дверного проёма и оттуда смотрела, как банда в коричневых рубашках обступила какого-то несчастного.

– Надо тебя отмывать, грязный ты еврей! – крикнул один из мальчишек, и у Биргит перехватило дыхание, когда компания подняла человека над головами и забросила в фонтан. Она смогла разглядеть, кто это был – Янош Панов, точильщик ножей.

Парализованная ужасом, Биргит смотрела, как бедняга прячется в фонтане, а толпа осыпает его оскорблениями, пинками и ударами. Даже с того места, где стояла Биргит, ей было видно, что его руки, которыми он пытается закрыть окровавленное лицо, покрыты синяками.

Будь здесь её отец, он пришёл бы в ярость. Он прорвался бы сквозь толпу, каким бы ни был слабым, и вытащил Яноша из фонтана. Он отчитал бы их, сказал, что их нужно арестовать или даже как следует выпороть. По крайней мере, так думала Биргит.

Но что могла сделать она?

Ничего.

Она не особенно хорошо знала точильщика ножей, но понимала, что этот простодушный, жизнерадостный человек со своей маленькой тележкой никому не делал зла. Так обращаться с ним было неправильно и, что ещё хуже, жестоко. Как могут глупые мальчишки этого не понимать? Что они могут иметь против Яноша, который знай себе толкал свою тележку, точил чужие ножи, и подобострастно кланялся всем, кто попадался на пути?

Когда толпа наконец оставила Яноша в покое, у Биргит вырвался сдавленный стон. Мальчишки направились к Голдгассе, без сомнения, ища новую жертву, а Биргит рванула вперёд. Но прежде чем она успела подняться по ступеням, её кто-то опередил. Молодая женщина, волосы которой были спрятаны под шляпой, подошла к Яношу, намочив в фонтане край тёмного пальто, и, обвив его рукой, стала помогать ему подняться. Увидев Биргит, она поманила её к себе и командовала:

– Ну-ка иди сюда.

Биргит рванула к ней. Она слышала смех бандитов, эхом разносившийся по улице. А если они вернуться? Она знала, что сейчас не стоит об этом думать.

– Что нам делать? – спросила она, глядя на Яноша. Он лежал, казалось, без сознания, кровь растекалась вокруг его головы, окрашивая воду в розовый цвет.

– Для начала вытащить его из фонтана. – В чётком голосе женщины неожиданно зазвучали нотки сарказма. В темноте Биргит не могла разглядеть её лицо. Женщина наклонилась и ухватила Яноша под мышки, Биргит взялась за ноги. Вдвоём они кое-как вытащили точильщика ножей из фонтана и положили на ступеньки.

Начиная приходить в себя, он благодарно им улыбнулся. Кровь стекала из раны на голове, один глаз распух, губа была разбита.

– Спасибо, фройляйн, – пробормотал он, выплюнул выбитый зуб и по-русски добавил: – Прощение.

– Вам не нужно просить у нас прощения, – отрезала женщина, и Биргит удивилась, откуда она знает русский. Она сама знала его лишь благодаря Яношу, который иногда при ней произносил пару-тройку русских слов.

Слабо улыбнувшись, Янош стёр кровь с подбородка. Казалось, он совсем не был удивлён тем, что произошло, и это было хуже всего.

– Как они могут так поступать? – воскликнула Биргит. Женщина смерила её быстрым, обжигающим взглядом.

– Ты против?

– Конечно же, я против! Янош ни в чём не виноват! Нельзя причинять людям боль только за то, кто они есть. Это жестоко. – Она лишь повторяла слова отца и всё же вкладывала в них всю свою душу. Её саму поразила страсть, прозвучавшая в её голосе; она словно пробудилась ото сна, в который была погружена всё это время, поглощённая собственными неприятностями и больше ничем.

– Вы так добры, фройляйн Эдер, – пробормотал Янош. – Вы добры, как ваш отец.

– Твой отец – герр Эдер? – сухо спросила женщина. – Часовщик?

Биргит удивлённо посмотрела на неё.

– Да... вы его знаете?

Женщина покачала головой.

– Но это неважно. – она указала на Яноша: – Нужно отвести его домой.

Опираясь на плечи женщин, Янош кое-как добрался до съёмной комнатки на Юденгассе, где он жил, – Биргит в жизни не доводилось видеть такого убогого и жалкого места.

– Извини, – сказала женщина, когда помогла Яношу лечь на кровать, отёрла кровь с его лица так нежно, как это сделала бы мать, и поставила на столик кувшин с водой и стакан. – Кажется, ты испортила юбку.

Биргит обвела взглядом свою простую юбку из коричневого твида, вымокшую до нитки и залепанную кровью. Как она, ради всего святого, объяснит это маме?

– Ничего страшного.

Женщина пристально посмотрела на Биргит. У неё были полные губы и выдающийся нос, блестящие карие глаза, ясный взгляд. Биргит подумала, что ей лет тридцать, может, с небольшим.

– Ты смелая.

Биргит покачала головой.

– Нет. Будь я смелой, я бы что-то сделала прежде, чем они бросили его в фонтан.

– Это было бы уже не смело, а глупо, – ответила женщина. – Есть разница. – Она вновь обвела Биргит оценивающим взглядом, от которого ей стало не по себе. Никто и никогда так на неё не смотрел – с неё словно снимали мерку. Взгляды вообще редко задерживались на ней, переключались на что-то более интересное. Но не в этом случае.

– Может быть, ты снова захочешь помочь, – осторожно и в то же время с вызовом предположила незнакомка.

– Снова? Но как? – Биргит недоумённо посмотрела на неё. – Янош ведь в безопасности.

– Да, но он не единственный. Есть много других. И много зла, которому нужно... противостоять. – Она чуть подчеркнула последнее слово. – Как ты думаешь, тебе это интересно? Или ты помогла другому лишь раз, чтобы успокоить свою совесть?

От Биргит не укрылся насмешливый тон женщины, и что-то в ней вспыхнуло. Конечно, гораздо благоразумнее было бы отказаться от непонятого предложения незнакомки, излучавшей энергию и опасность. Её глаза сияли, выражение лица было суровым, и в душе Биргит вдруг расцвела безрассудная смелость. Раз ей нашли замену в магазине отца, *в деле отца*, может быть, она сумеет пригодиться здесь.

– Может быть, я и не против помочь, – заявила она, приподняв подбородок и достойно встретив прямой взгляд женщины. – Что вы предлагаете?

На лице женщины мелькнула улыбка.

– Вот, – она вынула из кармана листок бумаги с несколькими плохо пропечатанными строчками и протянула Биргит. – Возьми. Никому не показывай. И если тебе интересно, приходи в следующую среду, в семь вечера, в кофейню Оскара на Элизабет-Форштадт. Никому не говори, – глаза женщины вспыхнули, – иначе пожалеешь.

Биргит содрогнулась, услышав внезапную угрозу, и ей захотелось вернуть женщине листок, что бы там ни было написано, но она этого не сделала и лишь повторила:

– В среду.

Женщина кивнула, повернулась и ушла, каблуки громко зацокали по мостовой. И лишь тогда Биргит взглянула на листок.

Германия станет ещё сильнее! – прочитала она вслух. *Не дайте Гитлеру лгать вам, товарищи! Долой фашизм!*

Она резко выдохнула и подняла глаза, но женщина уже исчезла в сумерках.

Глава четвёртая

Лотта

Октябрь 1936

Лотта сидела на скамейке на Резиденцплац и смотрела, как стая скворцов поднимается в воздух и, прежде чем скрыться в серебряном небе, тёмным облаком парит над великолепным фонтаном Резиденции, над Тритоном, из рога которого, похожего на причудливую морскую раковину, струится вода. Это было время года, когда постоянно моросил *шнурлреген*, «струнный дождь», а горы окутывал густой туман, и весь мир становился серым.

Плотнее закутываясь в пальто, Лотта тяжело вздохнула. Её щёки были мокрыми от туманных слёз. Всего через пятнадцать минут она должна была быть в Моцартеуме на занятиях по композиции, и ей определённо следовало поторопиться, чтобы успеть вовремя.

Трудность заключалась в том, что она не хотела туда идти. Вообще.

Она посещала занятия в уважаемой музыкальной академии больше месяца и с каждым днём всё сильнее опасалась, что с трудом заработанные родительские шиллинги и, что ещё хуже, их невысказанные надежды тратятся впустую.

Да, когда-то она участвовала в глупом конкурсе с фон Траппами, которые теперь стали звёздами и всюду гастролировали по Европе, но у неё самой, как она поняла, был весьма средний голос. По словам образованных профессоров и других студентов Моцартеума, она была совершенно заурядной ученицей.

Не то чтобы Лотту это сильно расстраивало. Она не так уж и хотела выделяться из толпы. У неё не было ни мании величия, ни иллюзий славы, только надежда на счастье, на обретение покоя и довольства.

Иногда она мельком чувствовала счастье, ощущала чуть ли не кончиками пальцев – когда видела туман, поднимающийся от гор по утрам, или слышала приглушённое дыхание перед пением мессы, и всё её существо наполнялось восторгом и сочувствием, – но оно снова и снова ускользало, возвращая её в мир со всеми его разочарованиями и опасностями, в мир, в котором было так много радостей и в то же время так много боли.

Она не думала, что обретёт счастье и покой, которых так жаждала, в Моцартеуме.

Отправить её в престижную музыкальную школу решил отец, который слышал выступление сестёр на конкурсе и заявил, что Лотта достаточно талантлива, чтобы продолжать учиться музыке. У него так разгорелись глаза, что Лотта почувствовала – надо соглашаться. Она терпеть не могла кого-то разочаровывать, тем более папу, и к тому же совершенно не представляла, чем будет заниматься – у неё не было способностей к часовому делу, как у Биргит, а кухня была, конечно, царством матери и Иоганны. Работа за пределами дома в семье даже не обсуждалась. Почему бы не стать студенткой Моцартеума, если она, конечно, поступит? Почему бы не поучиться чему-то новому? Почему бы не порадовать отца, раз уж она не могла придумать, как порадовать саму себя?

И почти сразу же она обнаружила, что ей ненавистна атмосфера высокомерия, снобизма и склок, сплетен, злословия и вечного соперничества; примерно в это же время она поняла, что недостаточно талантлива, чтобы её воспринимали всерьёз учителя и другие студенты.

Это была пустая трата денег и усилий, и она как могла старалась не давать волю несвоиственным ей чувствам досады и тоски, старалась делать вид, что не замечает насмешек других учеников и раздражения профессоров. Так что она сидела на скамейке посреди Резидентплатц, тащиться на занятия ей не хотелось, но других вариантов не было.

Вздыхнув, она поднялась и направилась через широкую площадь к пешеходному мосту через Зальцах, который вёл к университетским помещениям на Шварцштрассе. Пересекая площадь, Лотта заметила толпу, которая слушала человека, стоявшего на ступенях фонтана; он кричал о чем-то с выражением ликующей ярости на лице, и вместе с гневными словами изо рта вылетала слюна.

– Кто виноват, что банки обанкротились? Евреи! Кто отбирает ваши деньги и ест ваш хлеб? Евреи! Кто контролирует акции, банки, даже магазины одежды? – Он выдержал паузу, его рот изогнулся в кривой ухмылке. Толпа, воодушевлённая его пылкой речью, проскандировала:

– Евреи!

– Совершенно верно, добрые люди Зальцбурга! Евреи разрушили наш привычный уклад. Они пачкают нашу чистую германскую кровь! Мы, дети и наследники Германии, с долгой и благородной историей, восходящей к самому Карлу Великому, вынуждены выпрашивать объедки, которые евреи соизволят нам дать. Это должно прекратиться! И это прекратится, когда Гитлер объединит нас с Германией!

Услышав одобрительные возгласы толпы, Лотта похолодела. Все чаще и чаще она видела в городе такие демонстрации или читала в газетах непристойные статьи о ненависти к евреям и желании австрийцев объединиться с Германией, несмотря на решение правительства оставаться независимым и объявить членство в Национал-социалистической партии вне закона.

На прошлой неделе Лотта видела Яноша, точильщика ножей, с подбитым глазом и всего в синяках. Когда мать спросила, что случилось, он пожал плечами и улыбнулся, показав, что он лишился нескольких зубов.

– Мальчишки решили преподать мне урок. Что я могу сказать, фрау Эдер? Этот мир – несчастливое место.

Губы матери вытянулись в тонкую линию, но она ничего не сказала. Отец же был очень расстроен и настоял на том, чтобы вдвое больше заплатить Яношу за заточку ножей.

– Вдвое! – воскликнула Хедвиг, когда он ушёл. – Есть милосердие, а есть глупость.

– Что ж, позволь мне побыть глупым. – Манфред печально улыбнулся, и Хедвиг, хмыкнув, умчалась наверх.

Лотта знала, что отец терпеть не может нацистов и всё, за что они ратуют; она слышала немало критики, когда собирались его гости. Но она не знала, что думает мать; если у неё вообще были политические убеждения, она держала их при себе, и Лотта могла лишь предполагать, что Хедвиг солидарна с мужем.

А что думала она сама? У Лотты тоже не было особенного мнения, разве что раздражали злобные крики. Она любила тихую жизнь, спокойный ручей был ей ближе, чем бурная река, и всё, что она делала – слушала стариков на отцовских собраниях, ела приготовленный матерью тяжёлый *грёстль*, хотя с трудом могла прожевать картошку на свином сале, посещала уроки музыки, которые ей не нравились, – она делала, чтобы радовать других.

Самой же Лотте счастье всегда казалось недостижимым мерцанием на горизонте, которое слишком часто исчезало из поля зрения, как бы она ни пыталась разглядеть его в музыке или в тишине, в угождении другим или потакании себе. Она всегда, подумала Лотта, обречена неустанно гоняться за этим неуловимым чувством, за далёким мерцанием.

Оратор спрыгнул со ступенек, и толпа начала расходиться, Лотта отошла в сторону, изо всех сил стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Тот, кто так завёл толпу, оказался грубым краснорожим типом; на щетинистой шее был небрежно завязан заляпанный галстук. Он посмотрел на Лотту и усмехнулся так, что она опустила глаза.

Она всё чаще и чаще замечала, как на неё смотрят мужчины – с понимающим блеском в глазах, с ухмылкой, обводя глазами всё её тело, и это казалось ей очень фамильярным и грубым.

– Это потому что ты красивая, – объяснила Иоганна. – Ты же понимаешь, какая ты хорошенькая, Лотта? И мужчины тоже понимают. Увы, они не могут сдержаться, хотя им следовало бы.

Что она могла ответить? Да, ей часто говорили, что её пышные золотые волосы, большие голубые глаза и рот, похожий на розовый бутон, – идеал красоты, но что хорошего могла принести ей эта красота, кроме нежеланного внимания? Она предпочла бы быть некрасивой, хотя никогда не говорила об этом вслух, потому что красота – дар, как волшебный голос или острый ум. Она не хотела быть неблагодарной и всё же терпеть не могла, когда на неё тарасились.

Лотта перешла на другую сторону площади и направилась через Моцартстег, кованный пешеходный мост через Зальцах, когда поняла, что тот человек со ступеней фонтана догнал её и намеренно преследует по узкому мосту.

– Ну, фройляйн, а вы что думаете о моей речи? – спросил он с сильным баварским акцентом, и в его голосе звучали непристойные нотки. Лотта сделала вид, что не обращает на него внимания, и ускорила шаг, но ускорился и мужчина, догнал её и схватил за руку, испугав её так сильно, что сердце подпрыгнуло к горлу.

Он заставил её повернуться, удерживая за руку, притягивая ближе к себе, а его взгляд блуждал вверх и вниз, как и боялась Лотта.

– Я видел, что ты слушаешь! – прорычал он.

– Только потому что вы говорили так громко, – ответила Лотта и попыталась убрать его руки, но он крепко держал и прижимался лицом к её телу.

– Думаешь, ты слишком хороша для меня, а? – Он с силой сжал её руку и потряс. – А?

Голос Лотты застрял у неё в горле, когда она смотрела на мужчину со страхом и отвращением одновременно; она чувствовала исходивший от него запах пота и пива, и её желудок скрутило.

– Отпустите меня, – потребовала она, но голос звучал слабо, а голова кружилась.

– Слишком хороша для таких, как я, ага, – заявил мужчина, еще раз встряхнув ее руку. – Ты должна быть хорошей дочерью фюрера. Знаешь, что он говорит о женщинах? Всё, что в них хорошего, так это их matka. – Он рассмеялся, его слюна полетела ей в лицо, и Лотта снова попыталась выдернуть руку.

– Пожалуйста...

Ей было противно умолять, но она была слишком испугана, чтобы продолжать борьбу. Мужчина внимательно смотрел на нее, и Лотта рассеянно подумала, что же он собирается с ней сделать прямо здесь, на мосту, но, по счастью, он увидел кого-то на другой стороне и выпустил её.

– Фройляйн, этот человек сделал вам что-то плохое? – к ней подошёл пожилой мужчина в хомбурге и тяжелом пальто, и Лотта прижала руку к груди, как будто она была сломана. Кожей девушка все еще чувствовала боль от впившихся ей в руку пальцев.

– Он... он пытался, – пробормотала она, но неприятный тип уже шёл к другому берегу реки.

– Вы в порядке? – спросил пожилой джентльмен, лицо которого Лотта едва могла разглядеть сквозь пелену слез.

– Да... да, спасибо. – Она поспешила прочь от моста, прочь от незнакомца, прочь от Моцартеума. Она не могла идти вслед за этим отвратительным мужланом, потому что он мог снова броситься на нее. Она продолжала двигаться вперёд торопливым, испуганным шагом, пока не достигла противоположной стороны Резиденцплац и не убедилась, что за ней не следят.

Какое-то время Лотта молча стояла там, её сердце колотилось, голова кружилась. Даже сейчас она видела ухмылку мужчины, похотливое выражение его глаз, и её трясло. Она не могла в таком состоянии идти на занятия. Но если бы она пошла домой, ей пришлось бы объясняться с родителями, а этого она тоже не хотела.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, она подняла глаза и увидела знакомый красный купол аббатства Ноннберг, самого старого монастыря в Австрии и Германии, маяка веры и надежды, который вознёсся высоко над городом.

Медленно, не совсем понимая, куда идёт, она медленно прошла по Кайгассе, свернула на Ноннбергштиге, поднялась на крутую лестницу между двумя высокими зданиями, ведущую к самому аббатству. Тяжело дыша, поднялась по ста пятидесяти ступеням и подошла к входу в аббатство, предназначенному для посетителей, старым кованым воротам, которые вели во двор и часовню, куда доступ был открыт всем желающим.

Лотта проскользнула через ворота во двор, к древним зданиям, окутанным тишиной и холодным влажным воздухом. Она как будто попала в другой мир.

Несколько минут Лотта стояла там совершенно одна и просто наслаждалась тишиной, которую обрела там, куда не могли добраться шум и суета города, где лишь совершенная тишина эхом отзывалась в ней, как воспоминание или сон.

Здесь не было и не могло быть грубых крикливых мужчин, хватающих её за руку, надменных профессоров и студентов-снобов. Здесь никто не стал бы смотреть на нее с ухмылкой, облизывая губы. Здесь не было ни гнева, ни агрессии, ни ярости, ни страха. Только эта тишина, вечная, как сумерки и как рассвет.

Лотта выдохнула с хриплым, низким стоном, когда блаженная тишина наполнила всё её тело. Дверь в часовню была открыта, и она вошла, вдохнула знакомые запахи свечного воска и благовоний, позволила им успокоить себя и лишь тогда с изумлением увидела монахинь, возносивших молитвы. Голоса поднимались и опускались сладкозвучными волнами, и от этого умиротворяющего звука на глаза Лотты навернулись слезы. Это было даже лучше, чем красота тишины. Несколько минут она стояла в дверях, слушая древние молитвы, утешавшие её взволнованную душу. Ей всегда нравилось ходить к мессе в церковь Святого Блазиуса, простую церковь у подножия Моншберга, которую ее семья посещала ещё до её рождения, но здесь она чувствовала что-то несоизмеримо более возвышенное, посвящённое только Богу. Душа наполнилась неясной тоской, и начальные строки стихотворения Рильке из «Часослова» пронзили ее дрожью:

*Я в мире совсем одинок, но всё-таки не до того,
Чтоб каждый момент ощущался святым.*

Этот момент ощущался святым.

Внезапный шум голосов, раздавшихся со двора, испугал Лотту, и она быстро покинула церковь, желая остаться, но ощущая смутное чувство вины за то, что вообще пришла, как будто вторглась в чужой мир, священный и запретный. Выйдя во двор, она увидела женщину с ребёнком и с изумлением узнала Марию фон Трапп.

Лотта глупо уставилась на неё, на бывшую послушницу, которая обрела определённый почитаемый статус – вышла замуж за барона, стала матерью девяти детей и руководительницей семейного хора фон Траппов. Лотта уже несколько раз слышала их по радио.

Взгляд Марии фон Трапп был дружелюбным, но смущающе прямым.

– Добрый день, – сказала она. – Мы знакомы?

– Нет... нет, – запинаясь, ответила Лотта, – то есть... мы никогда не встречались, но участвовали в одном и том же конкурсе, в «Электролифте», несколько лет назад. Вы нас, конечно, не помните. Мы втроем пели «Лорелей»...

Взгляд Марии на миг затуманился, но тут же прояснился, и всё её лицо просияло.

– Ах да, сёстры Эдельвейс! – Она жизнерадостно рассмеялась, и Лотта с удивлением посмотрела на неё.

– Но... откуда вы знаете?

Так их называл только отец, полушутя и вместе с тем восхищаясь.

– Нет-нет, я помню, что это не ваша фамилия, – поспешила убедить её Мария. – Вы же сёстры Эдер, верно? Но вы украсили свои наряды веточками эдельвейса, и это мне запомнилось. Так красиво!

– Да, это были мы. – Лотта и её сёстры сохранили веточки на память, как просил отец, засушили их между страниц Библии. – Поразительно, что вы нас запомнили, баронесса фон Трапп. Мы были, по-моему, самыми непримечательными.

– Вовсе нет. Вы были очаровательны. Помню, как беседовала с вами, но совершенно не помню, что пели мы сами. Как в тумане! Но что вы делаете здесь, в аббатстве?

– Просто заглянула ненадолго. Здесь так тихо и спокойно. – Лотта не удержалась и обвела часовню печальным взглядом. – Мне кажется, я могла бы остаться здесь навечно.

– Правда? – ответила Мария, задумчиво наклонив голову и внимательно глядя на Лотту блестящими, как у птиц, глазами. Её нельзя было назвать красивой, но в ней было что-то живое и яркое, какая-то энергичная настороженность. – Когда-то я тоже так думала, но у Бога оказались на меня другие планы. А теперь я привожу сюда учиться дочь, мою малышку Лорли, – она нежно взглянула на серьёзную маленькую девочку рядом с ней. – Меня это очень радует.

– Верю, – пробормотала Лотта и улыбнулась девочке. Та улыбнулась в ответ, прижавшись к матери. – Если бы я могла проводить здесь всё время, я бы так и сделала, – добавила она, и в её голосе прозвучало больше искренней убеждённости, чем она хотела показать.

– Может быть, в этом ваше призвание? – предположила Мария с той же обескураживающей прямоотой. Лотте на миг показалось, что она шутит, но лицо женщины оставалось серьёзным.

– Ну... я не...

– Вы ведь католичка?

– Да... мы с семьёй ходим в церковь Святого Блазиуса.

– Так за чем же дело стало? Зов Бога может быть едва слышным шёпотом, но если вы однажды его услышали, вы не сможете его не замечать. Я впервые услышала его в вашем возрасте и пришла сюда, чтобы стать послушницей. Здесь я провела немало счастливых дней, хотя теперь счастлива быть дома, с семьёй. – Она с любовью посмотрела на маленькую дочь.

– Да, я слышала об этом, – глупо и невпопад ответила Лотта. У неё закружилась голова при мысли о том, что она тоже может услышать зов Бога – не говоря уже о том, что тоже может ему последовать.

– Это великая честь – посвятить всю себя служению Господу. Это было всё, о чём я мечтала, и я очень, очень расстроилась, когда настоятельница сказала мне, что Бог хочет от меня иного – чтобы я стала женой капитана фон Траппа.

– Расстроились? – Это изумило Лотту, ведь теперь у Марии было всё, о чём можно только мечтать: большой дом в Эйгене, беззаботная жизнь, хороший любящий муж, дети. И всё же остаться здесь, среди покоя и тишины...

– Да, очень, – со всей серьёзностью ответила Мария. – Но нужно слушаться голоса Бога, зовёт ли он вас в уют монастыря или в дикость далёких краёв. Я надеюсь, что вы, фройляйн Эдер, тоже его услышите. – Она пожала руку Лотты, ободряюще улыбнулась ей и, подталкивая дочь вперёд, вслед за ней вышла в морозящий туман.

Монахини закончили молитвы, всё стихло, и Лотта медленно побрела прочь со двора, вниз по крутой и узкой лестнице Ноннбергштиге. Когда она спустилась, на неё вновь нахлынули шум и грохот города – гогот прохожих, визг и лязганье трамваев, хлопанье двери, крики разносчика. Ей внезапно захотелось рвануть обратно и навсегда спрятаться в часовне, которая скроет, защитит от всего мира.

Но нет. Она уже и так провинилась, она пропустила целый учебный день, и нужно было объясняться с родителями. Мысли о негодовании матери и, что ещё хуже, о мягком недовольстве отца было достаточно, чтобы её мечты об обретённом счастье тут же разлетелись.

Если вы однажды его услышали, вы не сможете его не заметить, – вновь услышала Лотта слова Марии фон Трапп и подумала – вот бы та оказалась права. Если она и впрямь услышит этот зов, у неё не останется выбора, кроме как ему последовать.

Глава пятая

Иоганна

Ноябрь 1936

Прожив в доме на Гетрайдегассе месяц с небольшим, Франц Вебер предложил отправиться на Унтерсберг. Хотя изначально идея принадлежала Манфреду, обещавшему эту прогулку в день приезда, Иоганна сразу поняла, что это придумал Франц. В те несколько недель, что он ассистировал её отцу, она наблюдала за ним – конечно, тайком – и начала немного понимать его характер, жизнерадостный и дружелюбный, но вместе с тем решительный. Она не могла не найти его очаровательным.

Все дни Франц проводил в магазине, но вместе с Манфредом и Биргит приходил к обеду, который готовили и подавали Хедвиг и Иоганна, они же в конце дня относили вниз кофе. По вечерам Франц вместе с семьёй ужинал и молился, потом сидел в гостиной, слушал радио, читал, иногда играл на пианино. В первый же день он исполнил первые несколько тактов сонаты Моцарта.

– Как ты хорошо играешь! – восхищённо воскликнул Манфред. Франц рассмеялся и покружился на стуле.

– В Вене каждый должен освоить музыкальный инструмент, – заметил он и пожал плечами. – Музыка и театр там гораздо важнее политики.

– Тогда там, наверное, хорошо живётся, – ответил Манфред.

– *Жилось*, – поправил Франц с обескураживающей мрачностью, но к нему тут же вернулось привычное расположение духа. – Но сегодня я решил сыграть Моцарта, раз уж оказался в его городе.

– Более того, он родился всего в нескольких домах отсюда! – с улыбкой воскликнул Манфред. – Но ты только раздражил нас этими тактами. Сыграй всю сонату, если можешь.

И Франц сыграл. Его длинные пальцы скользили по клавишам, комната наполнилась божественной мелодией. Потом по просьбе отца Иоганна и Биргит спели несколько народных песен под аккомпанемент Франца, чтобы познакомить его с их культурой. Несмотря на свои скромные музыкальные способности, Иоганна наслаждалась такими вечерами, особенно близостью Франца. Он попросил её переверачивать страницы нотной тетради, и она с радостью согласилась, хотя Биргит бросила на неё свирепый взгляд – хотя её младшая сестра, судя по всему, презирала Франца, Иоганне показалось, что она втайне им восхищается.

Потому что таким человеком нельзя было не восхищаться – его характером, его внешностью. У него было очень живое, выразительное лицо, глаза цвета хорошо отполированного тёмного дерева в их гостиной и высокая стройная фигура, чуть ссутуленная оттого, что ему, несомненно, приходилось каждый раз нагибаться, входя в дверь.

Но ещё больше, чем его внешность, Иоганну восхищала его жизненная сила; от него словно исходили лучи энергии, неподдельный интерес ко всему, ощущавшийся, как волны электричества. Просто находясь рядом с ним, она и сама начинала чувствовать себя живой.

Когда Франц сидел в комнате, она не могла не удержаться, чтобы не подойти ближе, и её взгляд скользил по его выразительным чертам, ярким глазам, чуть вздёрнутому носу, как будто стараясь его запомнить. Он её завораживал, как не завораживало ничто и никогда.

И ещё она начала подозревать, что тоже ему интересна. Конечно, не так, как он был интересен ей, но он старался вовлечь её в разговор за обедом, на пару минут задержаться в

гостиной, пока они с матерью убрали посуду. Однажды она собиралась пойти на рынок, и он поднялся со своей скамьи и спросил, не возражает ли она, если он составит ей компанию.

– Мне нужно купить бумаги и конвертов, чтобы писать письма родственникам, – сказал он. – Ты же не против моего общества?

– Я... Нет, конечно, нет, – пробормотала Иоганна, уже смущаясь его близости, того, как он оборачивает шарф вокруг шеи, его блестящих глаз, его улыбки. Казалось, всё вокруг его интересует и забавляет, даже она.

Воздух был холодным, небо – грифельно-серым. Иоганна чинно шла в стороне, с её руки свисала плетёная корзинка.

– Ты похожа на девочку-гусятницу из той сказки, – сказал Франц, и она замерла, ошарашенная.

– На гусятницу!

– Ты же знаешь эту историю?

– Да... смутно. – Она вспомнила книгу со сказками, рассказывавшую, как принцессу обманул злой слуга и заставил саму стать служанкой. В конце концов всё раскрылось, и она вышла замуж за короля соседней страны.

– У неё были золотые волосы, как у тебя, – заметил Франц и, смеясь, коснулся кос, туго закрученных вокруг головы Иоганны. – Если бы ты расплела их, стала бы в точности как она.

– Не уверена, что хочу быть похожей на гусятницу, – ответила Иоганна, обескураженная и вместе с тем очарованная его прямоотой; он флиртовал с ней, а она совсем не умела отвечать на флирт.

– Но в конце концов обман раскрылся, – напомнил Франц, – и она вышла замуж за короля. Разве ты бы такого не хотела?

– Выйти за короля? – удивилась она, чувствуя, как к ней возвращается прежний тон. – Ну, смотря, что он за человек.

– Очень хороший ответ, – заметил Франц, и она посмотрела на него, приподняв брови и изо всех сил стараясь не выдать, насколько её волнует его мнение.

– Вы правда так считаете? – спросила она с явным сарказмом, и он лишь рассмеялся.

Купив на рыночной площади бумагу и конверты, он настоял, что понесёт её корзину, и пока она бродила по зеленому рынку на Университетплатц, выбирая картофель и лук, она, как ни странно, чувствовала себя его женой, хотя раньше ей казалось: она не может себе представить, каково быть в браке. Когда они вернулись в дом на Гетрайдегассе, он коснулся её пальцев своими.

– Спасибо за компанию, – просто сказал он, и Иоганна смогла только кивнуть.

Теперь он жил с ними уже месяц, и они собрались на Унтерсберг. Как-то утром, когда она, как обычно, принесла кофе, он вновь незаметно дотронулся до её пальцев, забирая чашку, и спросил, как она смотрит на то, чтобы отправиться в поход. На миг она осмелилась подумать, что он приглашает её одну, но отец тут же с радостью принял предложение:

– Да, да, конечно, надо собраться, пока совсем не похолодало. Хедвиг устроит нам пикник! Какая прекрасная идея, Франц! Правда, Иоганна?

Франц искоса бросил на неё взгляд, который показался ей многозначительным, и она, покраснев, ответила, глядя не на отца, а на Франца:

– Да, папа, отличная.

Они в хорошем настроении вышли в путь от близлежащей деревни Гродиг. Отец взял с собой верную спутницу – старую трость, которая была с ним в тот день, когда он встретил Хедвиг, пасущую коз. Биргит шла рядом с ним, Лотта – в ногу с матерью. Сперва она несла корзину для пикника, а потом Франц её забрал, поклонившись с забавной учтивостью.

Иоганна позволила себе отстать от остальных, чувствуя женской интуицией, хотя и не зная, что обладает ею, что Франц пойдёт рядом с ней. Они прилично отстали от остальных.

– Прекрасный день, не правда ли? – спросил он, окинув её смеющимся взглядом искоса.

– Да. – Она тут же почувствовала, как краснеют щёки. – Как вы находите горы, герр Вебер?

– Конечно, ты уже можешь называть меня на «ты» и просто Франц.

– Франц, – повторила Иоганна, изо всех сил желая, чтобы румянец сошёл с её лица. Она чувствовала себя неловкой школьницей и в то же время нудной старой девой. Ей трудно было понять, на кого она больше похожа, но выглядела она глупо, это уж точно, и эта мысль была невыносима.

– При виде них у меня перехватывает дыхание, – он произнёс эти слова, глядя на Иоганну, и она вспыхнула ещё сильнее. Он смеётся над ней или в самом деле так думает? Она боялась слишком поверить в его доброту, в тёплое восхищение, которое слишком часто видела в его глазах, и всё же ей очень этого хотелось.

– Легенда гласит, что под горой Унтерсберг скрывается сам Карл Великий, – сказала она, не придумав ничего умнее, – и ждёт, когда начнётся битва с Антихристом.

– Тогда, думаю, он скоро дождётся, – сухо заметил Франц, – потому что Антихрист уже появился.

– Ты имеешь в виду Гитлера?

– Разумеется.

– Знаешь, очень многие зальбуржцы им восхищаются, – неохотно признала Иоганна. – И вообще многие австрийцы. В газетах много об этом пишут. – Лишь на прошлой неделе в «Зальцбургер Фольксблатт» появилась статья под названием «Гордость Германии», и, конечно, она была направлена против евреев.

– Да, я знаю, – мрачно и печально ответил Франц и обвёл взглядом далёкие горные пики. – В Вене всё то же самое, если не хуже. Иногда кажется, что весь мир сошёл с ума.

– Ты поэтому уехал?

Он окинул её быстрым, изучающим взглядом.

– Разве отец тебе не сказал?

Она покачала головой.

– Нет, он не объяснил, почему ты здесь.

Он помолчал, будто собираясь что-то ответить, но лишь пожал плечами.

– Ну, неважно.

– Биргит говорит, ты понятия не имеешь о часах, – внезапно выпалила Иоганна, и Франц рассмеялся. – Неужели так и есть?

– Так и *было*. Но, надеюсь, за эти несколько недель я кое-чему научился. – Он вновь улыбнулся ей. Судя по всему, к нему вернулось хорошее настроение, и он шутивным и в то же время доверительным тоном спросил: – Ну а ты, Иоганна? Чего ты хочешь от жизни?

– От жизни?

– Часы ты, как я понял, чинить не хочешь.

– У меня нет к этому способностей. Но да, не хочу.

– А что тогда?

Она пожалала плечами, смущённая его вопросом и тем, какие возможности за ним стояли.

– Одно время я надеялась пойти на курсы секретарей, – поколебавшись, ответила она. –

Но это оказалось невозможно.

– На курсы секретарей! – изумился Франц.

– Ну да, чтобы потом работать в конторе.

– Печатать унылую переписку нудных клерков? Вот уж зря потраченное время.

– Мне так не кажется, – ответила она, чуть обидевшись, и он рассмеялся и взял её за руку. Иоганна ему позволила, и по всему её телу пробежала дрожь. Хотя они оба были в перчатках, она чувствовала сквозь шерсть тепло его кожи, как волны электричества.

– Я имею в виду, что ты хочешь совершить? – продолжал Франц. – Не что-то простое и заурядное. Что-то настоящее. О чём ты мечтаешь? Ты хотела бы путешествовать? Увидеть мир? Поступить в университет? Прокатиться на верблюде?

– На верблюде? – повторила Иоганна, чувствуя, как в ней вскипает смех. – Нет, конечно.

– Ну а что тогда? – Он внезапно повернулся к ней и впился взглядом в её лицо, по-прежнему держа её за руку. Во рту Иоганны пересохло, голова бешено закружилась. Она знала, о чём мечтает, но не могла сказать этого Францу. *Я хочу, чтобы ты всегда смотрел на меня вот так, держал меня за руку, целовал меня...*

– Я... я не знаю.

– Не принимается, – Франц покачал головой и чуть сжал её руку. – Ты должна что-то придумать.

– Я всегда хотела побывать в Париже – сказала она наконец. – Увидеть Эйфелеву башню. У папы есть её фотография, и она кажется мне такой... современной. Он был там в юности, ещё до того, как женился на маме.

– Париж, – задумчиво повторил Франц. – Что ж, пусть будет Париж.

Она рассмеялась над тем, сколько уверенности было в его голосе.

– Ты что же, махнёшь волшебной палочкой, и я там окажусь?

– К сожалению, у меня нет волшебной палочки, но однажды мы отправимся в Париж. Я обещаю.

Она покачала головой, смущённая его тоном и словом «мы».

Они замедлили шаг, потом вообще остановились в живописном месте, откуда открывался вид на деревню, раскинувшуюся далеко внизу, как густо-зелёное волнистое море, и неровные пики заснеженных гор, окаймлявших яркий горизонт.

– Я тебе, наверное, кажусь очень провинциальной, – помолчав, сказала Иоганна, хотя это признание больно задело её гордость. – Отец говорит, что у тебя диплом Венского университета, и ты столько всего знаешь о театре и музыке, философии и математике... – Она закусила губу, стараясь не заострять внимание на том, что и так было очевидным, но тщетно. – А я прочитала очень мало книг, единственный спектакль, который я видела в своей жизни, – «Йедерманн», и то только потому что его бесплатно показывают на площади. – Она смерила Франца откровенным, даже вызывающим взглядом. – И если честно, я невысокого мнения о нём. Столько суеты из-за обычного человека.

Франц расхохотался и за руку ближе притянул Иоганну к себе.

– Вот поэтому ты мне и нравишься, Иоганна, – сказал он, и его взгляд стал мягким, даже нежным. – Венцы – такие снобы по части всего, что касается их музыки и их театров. Они мнят себя самыми культурными, самыми искушёнными, но на самом деле они просто очень, очень скучные.

– Боюсь, что я скучнее.

– Нет. – Он притянул её ещё ближе, и теперь они шли совсем рядом. – Ты несколько не кажешься мне скучной.

– Только потому, что мои провинциальные взгляды для тебя в новинку, – заметила Иоганна чуть громче, будто хотела что-то доказать ему, а может быть, самой себе. – Признай это. Ты должен признать.

– Вот как, должен? – Глаза Франца заблестели сильнее. – Я думаю, ты просто напрашиваешься на комплименты.

– На комплименты?

– Хочешь, чтобы я рассказал тебе, какая ты чудесная? Твои золотые косы и сияющие глаза? – Он коснулся её кос, заправленных за уши. – Или хочешь, чтобы я рассказал, как ты меня волнуешь? Что каждый раз, ставя передо мной тарелку, ты будто бросаешь мне вызов?

– Вызов? – прошептала Иоганна, едва дыша.

– Всё, что ты делаешь, ты делаешь с явной целью, Иоганна. Самое заурядное действие в твоём исполнении становится необыкновенным и волнующим. Может быть, вся твоя жизнь и проходит на кухне, но разумом ты в других сферах. Ты совсем не кажешься мне провинциальной, и я хочу, чтобы ты это знала.

Это правда, поняла Иоганна с волнующим трепетом, и она уже это знала. Хотя гордость призывала её быть осторожной, сердце шептало совсем другое, и всё её тело пылало. Её губы изогнулись в древней как мир коварной женской улыбке, и Франц тихо рассмеялся.

– Да, ты знаешь, – пробормотал он и притянул её ещё ближе. Он наклонил голову, не сводя с Иоганны взгляда тёмных глаз.

Сейчас он меня поцелует, подумала Иоганна. Это казалось невыносимым – что такой красивый, умный, интересный мужчина хочет поцеловать её – её, Иоганну Эдер, знающую лишь кухню да церковь, её, будущее которой казалось таким унылым и предсказуемым. Вот каким станет её первый поцелуй, осознала она с трепетом и ужасом.

– Эй, вы двое, – позвала Биргит, и Иоганна отшатнулась от Франца. – Мы нашли место для пикника. Франц, корзина у тебя!

– Иду! – воскликнул Франц, высоко подняв корзину, как трофей.

Иоганна шла, опустив голову, за ним вверх по склону, и всё её тело горело, хотя он даже к ней не прикоснулся. *Неужели я правда его волную?* Ей очень хотелось в это поверить, но мешали гордость и страх быть униженной. Она была напряжена и всё же полна надежд.

Если он просто развлекается, она спустя пару недель будет брошена и взбешена, но что хуже всего, её сердце будет разбито. Она знала, что не вынесет ни того, ни другого, но боялась, что уже не в силах защититься от чувств.

Поднявшись на вершину холма, Иоганна увидела, что все уже сидят в одно из тех грубо сколоченных альпийских хижин, что разбросаны по всей сельской местности. Мать массирует распухшие лодыжки, Биргит насупилась, а Манфред радушно улыбался им обоим. Лотта стояла на холме в нескольких метрах от них, широко раскинув руки и запрокинув голову. Золотистые волосы сияли в солнечном свете, и она была похожа на ангела. Ангела в шипованных ботинках.

– Лотта, что ты делаешь? – воскликнула Иоганна, чувствуя раздражение и вместе с тем нежность. Порой ей казалось, что младшая сестра – не от мира сего.

– Молюсь, – заявила Лотта, не открывая глаз. – Разве ты не чувствуешь, что здесь мы ближе к Богу? Я почти могу коснуться неба.

– Ну да, ближе почти на тысячу метров, – сухо ответила Иоганна. – Но коснуться его ты сможешь, только если оступишься.

Рассмеявшись, Лотта опустила руки и посмотрела на всю компанию. На её лице была написана такая безмятежная радость, что Иоганне показалось – может быть, сестра права и в самом деле, пусть и на миг, прикоснулась к чему-то неземному и вечному.

– Не оступлюсь, – ответила она, переведя взгляд с Иоганны на Франца. – А ты чувствуешь, что мы ближе к раю, Франц?

Сунув руки в карманы, он качался на каблуках.

– Увы, не чувствую, – ответил он с улыбкой, – поскольку я не верю в рай.

– Как? – изумлённо вскрикнула Лотта.

– Что ты имеешь в виду? – недоверчиво поинтересовалась Иоганна. – Конечно, веришь. Франц покачал головой, по-прежнему улыбаясь.

– Боюсь, что нет. И в Бога тоже, если на то пошло. Во всяком случае, на данный момент я придерживаюсь этой версии – не уверен, что какое-либо божество действительно существует, и не сталкивался ни с чем, что могло бы меня переубедить.

Иоганне вспомнились жаркие, но дружеские вечерние дебаты между Францем и отцом; она не чувствовала, что обладает достаточным интеллектом или интересом, чтобы в них вмешиваться, но сейчас в памяти всплыли слова Франца о том, что все знания основаны на логике и для всего нужны доказательства. *Но разве существование Бога – не самое логичное, что только может быть?*

– Как можно не верить в Бога? – воскликнула Лотта, вновь широко раскинув руки. – Да ты только посмотри вокруг!

Франц медленно обвёл взглядом прекрасные горы, снежные пики вдалеке, холмистые поля, всё ещё зелёные благодаря «струнному дождю».

– Что ж, я признаю, – наконец сказал он, – здесь в Бога верить проще, чем в других местах. Лотта покачала головой.

– Ты так много теряешь, – пробормотала она печально и ушла в хижину. Франц повернулся к Иоганне и тихо спросил:

– Ты расстроилась?

Она молча смотрела на него, не зная, что сказать. Больше всего она была удивлена. Ей ещё не доводилось встречать никого, кто не верит в Бога, кто не посещает мессу, кто исчисляет время не в церковных праздниках и постах, кто не молится часы напролёт. Её вновь пронзило осознание, насколько же они разные. Она будто стояла на краю пропасти и только теперь увидела, как непрочно и шатко её положение.

– Не знаю, – наконец призналась она.

– Может быть, если бы ты увидела что-то из того, что видел я, ты бы тоже перестала верить в Бога, – тихо заметил он.

– Иоганна, Франц, идите есть! – крикнула Хедвиг. Повернувшись, не в силах ответить на его слова, Иоганна побрела в хижину.

Глава шестая

Биргит

Декабрь 1936

Биргит стояла в дверях захудалой кофейни, тёплый запах сигаретного дыма и кофе окутывал её дымящимся облаком. Шёл ледяной дождь, и по дороге от Гетрайдегассе до этой кофейни, расположенной в менее благополучном районе Элизабет-Форштадт, рядом с железнодорожной станцией, её пальто вымокло до нитки.

Человек за барной стойкой поймал её взгляд и слегка кивнул. Биргит кивнула в ответ, прежде чем отвести взгляд; её распирало чувство, похожее на гордость. Сегодня она пришла сюда в третий раз, и второй раз – уже как своя.

Она закрыла за собой дверь и, высоко подняв голову, пробралась мимо столов и проскользнула в маленькую комнату в глубине, дверь которой была завешена зеркалом, так что её было едва видно.

В этой комнате воздух был ещё более спёртым, чем в самой кофейне, она была битком набита шаткими столами и стульями и пропитана запахом пота, дыма и шнапса. Когда она вошла в комнату, несколько человек взглянули на неё – мужчины в грязных комбинезонах и куртках железнодорожников, несколько измученных продавщиц и подёнщиц, зарабатывавших свои жалкие гроши шитьём, стиркой или уборкой. Начав посещать собрания, Биргит открыла для себя совершенно новый мир, несколько не похожий на уютный магазинчик на Гетрайдегассе, и она была этому рада.

Биргит была очень испугана, впервые идя через весь город на собрание, куда её пригласила та женщина дождливой ночью, когда избили Яноша Панова. Она даже толком не знала этой части Зальцбурга, где располагались ветхие многоквартирные дома и склады, разве что изредка проходила мимо по дороге к главному вокзалу. Она медленно брела по тротуару, боясь, что к ней пристанет кто-нибудь из грубых людей, спешивших по своим делам, и её тянуло к привычному спокойствию Гетрайдегассе.

Но упрямство, о котором она и не подозревала, упорно толкало её вперёд. В тот вечер за ужином отец торжественно преподнёс Францу набор своих собственных инструментов в кожаном футляре, точно такой же, как у Биргит. Только вот ему для этого понадобилось побыть в ассистентах чуть больше месяца, а ей – целых два года.

Это осознание обжигало, как обжигало и другое: по вечерам Франц развлекал отца запутанными разговорами о философии и логике, чего Биргит никогда бы не смогла. Он стал сыном, которого Манфреду всегда не хватало, помощником, о котором он всегда мечтал. Но не только Манфред поддался очарованию Франца. Было слишком очевидно, что Иоганна от него без ума.

Она, конечно же, всё отрицала, когда Биргит напрямую задала ей этот вопрос, но всё и так было понятно. Франц умел прокладывать себе путь к чьему угодно сердцу, и если бы Биргит не была так обижена, он наверняка понравился бы и ей. Все эти мысли вели её вперёд, пока она не вошла в кофейню, адрес которой был указан в листовке, и, не зная, как быть дальше, не обратилась прямо к мужчине за стойкой:

– Простите... здесь сегодня проходит собрание для тех, кто хочет бороться с фашизмом?

Он недоверчиво взглянул на неё, и прежде чем Биргит успела сообразить, что происходит, её втолкнули в комнату размером с чулан, и её сердце гулко и тяжело заколотилось, когда двое грубых на вид мужчин потребовали объяснить, кто она такая и откуда узнала о собра-

нии. Биргит залепетала что-то о Яноше, фонтане и женщине, но внезапно услышала знакомый хриплый голос:

– Оставьте её в покое! Это дочь Эдера, и она со мной.

Биргит, уже готовая расплакаться, благодарно кивнула, глядя на женщину, которую встретила той дождливой ночью на улице. В свете кофейни она смогла разглядеть, какая она поразительная – тёмные волосы, ярко-красные губы, мужская рубашка на пуговицах, подпоясанная ремнём, широкие брюки и платок на шее. Биргит она показалась каким-то сказочным персонажем, Кошкой в сапогах. Женщина стояла, широко расставив ноги, уперев руки в бёдра, и с вызовом смотрела на Биргит.

– Прости, что они тебя напугали, – наконец сказала она, – но мы должны быть осторожны. Меня зовут Ингрид, – она протянула руку Биргит для крепкого, почти мужского рукопожатия и провела её в заднюю комнату. В течение следующего часа Биргит слушала, одновременно увлечённо и беспокойно, лекцию о вреде фашизма, нацистской угрозе и необходимости объединения социалистов, коммунистов, профсоюзных деятелей и католиков для борьбы не только с Гитлером, но и с Штандештаатом.

– Мы должны объединиться, чтобы противостоять злу. Мы должны отправить Гитлера и его фашистских приспешников в Австрии и за границей на свалку истории! Как говорил сам Маркс, пусть трепещут господствующие классы! Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, и эти цепи будут по-настоящему тяжелы, товарищи и друзья, когда нас закуёт в них Гитлер. Мы должны сбросить их сейчас, пока не стало слишком поздно. Рабочие всего мира, соединяйтесь!

Биргит немного ошеломили яростная риторика, краснолицый оратор, аплодисменты, крики, свист и топот ног. Ингрид, выпустив струйку дыма, одарила её понимающей и сочувствующей улыбкой.

– Август бывает невыносим, но он хочет добра, и что важнее всего, он готов умереть за наше общее дело.

– Дело против Гитлера? – неуверенно спросила Биргит. – Он выступал и против Шушнига⁹.

– Шушниг лучше Гитлера, это правда, но Отечественный фронт – тоже фашистский, и с ним нужно бороться. Почему наши встречи здесь должны быть вне закона? Почему мы все не можем свободно встречаться и верить в то, во что считаем нужным?

Биргит и так понимала, что собрание незаконно, но когда Ингрид так просто об этом сказала, все её внутренности свело от волнения. Ей никогда раньше не приходилось совершать ничего незаконного.

– Мой отец говорит, что Штандештаат должен укрепиться, чтобы суметь противостоять Гитлеру.

– Твой отец хороший человек, но слишком наивный. – Ингрид посмотрела на Биргит так же пристально, как в ту ночь, когда они помогли Яношу. – Почему ты пришла?

– П... почему? – запинаясь, переспросила Биргит. – Ну... мне, наверное, стало любопытно. – На самом деле ей понравилось, что её сюда пригласили, что здесь хотят её видеть. И ещё отчасти захотелось совершить что-то если не противозаконное, то бунтарское. Что-то смелое.

– И что же? Удовлетворено твоё любопытство? – В голосе Ингрид послышались стальные нотки. – Теперь домой пойдёшь и всё на этом?

– Я... – неуверенно начала Биргит и тут же осеклась. Она не знала, что думает обо всем этом и что будет делать. Здесь была цель, которой она больше нигде не находила, и эта цель одновременно привлекала и тревожила своей магнетической силой. – Что я могу сделать? –

⁹ Курт Алоис Йозеф Иоганн фон Шушниг (1897–1977) – федеральный канцлер Австрии с 1934 по 1938 год.

это был, как она потом поняла, риторический вопрос, но Ингрид вплотную придвинулась к ней и ответила:

– Многое.

Тем вечером, после того, как собрание закончилось, Ингрид дала ей пачку коммунистических брошюр и велела распространить их в общественных местах по всему городу. Биргит в ужасе уставилась на нее. Если бы её поймали с одной брошюрой, не говоря уже о пятистах, её почти наверняка арестовали бы.

Хотя Биргит никогда особенно не интересовалась политикой, она ещё до того, как прийти на Элизабет-Форштадт, понимала, что Сословное государство Австрии не одобряет никаких других политических партий, уж тем более коммунистов и социалистов. Памфлеты, яростно обличавшие фашизм во всех его проявлениях, и дерзко призывавшие к оружию, были по настоящему опасны.

И всё же под вызывающим взглядом Ингрид Биргит взяла их и спрятала под своей кроватью, завернув в старый фартук. Она могла бы оставить их там, и на какое-то время ей действительно захотелось так поступить, но из искры, так внезапно вспыхнувшей в её душе, разгорелось пламя, достаточно сильное, чтобы она взяла сразу несколько брошюр и оставила по всему городу – прищипленными к стене или двери, на ступенях фонтана, в библиотеке или в универмаге на Альтер-Маркт, которым управляли евреи.

Каждый раз, доставая из сумки брошюру, она вся дрожала, но чем дальше, тем больше у нее становилось смелости продолжать. Вот я какая, с удивлением думала она. Вот какой я могу быть. Такой же смелой, сильной и целеустремленной, как Ингрид. Умеющей верить и действовать. И способность быть невидимкой пригодилась тоже – никто не замечал девушку с похожим на картофелину лицом, которая чуть замешкалась в дверях или у рыночного прилавка. Никто не обращал на неё внимания, и это было хорошо.

Теперь, спустя два месяца после той первой встречи, устроившись за одним из столиков в глубине, Биргит чувствовала себя в этой обстановке если не совсем уверенно, то, по крайней мере, более комфортно.

Она встречалась с людьми взглядами, улыбалась и кивала, хотя не знала их имён. Ей нравилось чувствовать себя – нет, не значимой, но полезной. Нужной. Причастной к чему-то.

– А вот и наша маленькая католичка. – Ингрид, ласково усмехнувшись, подседа к Биргит. – Ты раздала все брошюры, какие я тебе вручила?

Биргит кивнула, не в силах скрыть гордости.

– Да. Все.

– Хорошая девочка. – Хотя Ингрид было всего лет тридцать или около того, она казалась гораздо солиднее и опытнее, так что Биргит почувствовала себя ученицей, которую хвалит учитель.

– Я так и не спросила, откуда ты знаешь моего отца, – сказала она, когда Ингрид закурила. Она не могла себе представить, чтобы Манфред общался с кем-то похожим на участников собрания; он презирал коммунизм и его антикатолическую риторику.

Ингрид довольно весело посмотрела на Биргит, щёлкнула спичкой и бросила ее на пол.

– Несколько месяцев назад мы помогли друг другу в небольшом деле.

– Помогли? – недоверчиво спросила Биргит. – Как?

– Может, лучше он тебе расскажет? – Она вскинула голову. – Или он не знает, что ты ходишь на собрания?

Биргит покачала головой.

– Нет, конечно, нет.

– Думаешь, он не одобрил бы?

– Конечно. Он не согласен с целями коммунистов.

– Но, возможно, он, как и многие другие, видит необходимость нашего объединения. Католики и коммунисты должны объединиться в борьбе против фашизма, прежде чем он захватит мир, как эпидемия, да он и есть эпидемия. Это может случиться, ты же знаешь, – Ингрид наклонилась вперед, в её глазах мелькнула тревога. – Мы должны объединиться.

Увидев яростный свет в глазах Ингрид, Биргит ощутила страх и вместе с тем вспышку мужества. Она хотела стать такой же целеустремлённой, но не знала, сможет ли. Если бы она была достаточно сильной! Но нет, она не думала, что, как Август Грубер¹⁰, готова умереть за правое дело.

– Ты говоришь так, будто приход нацистов в Австрию неизбежен, – наконец заметила она.

– Несомненно, – отрезала Ингрид. – Они уже захватили Рейнскую область и заключили пакт с Италией. Теперь интересуются Судетской областью и нами. И, к вечному их позору, многие австрийцы жаждут этого. Они думают, что их судьба лучше сложится под железным кулаком Гитлера. Конечно, при Шушниге не всё гладко, – призналась она, скорчив гримасу, – но при Гитлере станет гораздо хуже. И как будто избавление от всех евреев им как-то поможет. – Она насмешливо фыркнула. – А ты что же, думаешь, этого не произойдет?

Биргит пожала плечами, чувствуя себя одновременно и виноватой, и глупой. Она хотела быть смелой, но слабо разбиралась в политике. Она не могла говорить так, как Ингрид, со знанием дела и уверенностью. Ингрид, должно быть, это почувствовала, потому что понизила голос и накрыла ладонь Биргит своей.

– Прости, я забыла, какая ты молодая, – сказала она. – Какая невинная. Ты не представляешь, насколько всё плохо и насколько станет хуже.

– Я ведь распространила брошюры! – выпалила Биргит, как будто это имело большое значение.

– Однажды тебя могут попросить о большем, – проговорила Ингрид. – Гораздо большем. И тебе придётся задаться вопросом: справишься ли ты?

Биргит тяжело сглотнула. Она не знала, что имеет в виду Ингрид и чего от неё могут потребовать, но при одной только мысли о том, чтобы сделать что-то большее, чем оставить в общественных местах несколько брошюр, её желудок сжался от страха, сердце начало рваться прочь из груди. И всё же...она не хотела оставаться в безопасности. Она не хотела терять чувство цели, которое давали ей эти собрания. Она хотела быть храброй, даже если не вполне понимала, как.

– Подумай об этом, – велела Ингрид и, выпустив её руку, стала слушать оратора. Биргит почти ничего не понимала, так метались её мысли, но, по правде говоря, всё это она уже слышала. Разные выступавшие говорили об одном и том же: объединяйтесь! Рискуйте! Будьте смелее! Подробности же были оставлены на волю воображения, и прямо сейчас Биргит не хотела их себе воображать. Ей не хотелось думать, о чём Ингрид или группа, в которую она входила, разношёрстная компания коммунистов, социалистов и профсоюзных деятелей, может попросить – или потребовать. И почему бы им не потребовать этого от Биргит, если она приходит на их встречи и узнала некоторые их секреты? А если потребуют, как она отреагирует? Сможет ли она быть достаточно смелой, чтобы рискнуть своей жизнью, как это сделали бы Ингрид и Август?

¹⁰ Август Грубер, был связистом Зальцбургской железнодорожной и трамвайной компании, членом социал-демократической партии и после запрета социал-демократии в феврале 1934 года член нелегальных революционных социалистов Австрии (RSO). При нацистском режиме железнодорожники с их небольшими ячейками на второстепенных железнодорожных ветках представляли наиболее организованное сопротивление. Грубер организовал группу RSO в SEuTG, набирал членов и собирал деньги для нуждающихся товарищей. 5 февраля 1942 года 76 железнодорожников, в том числе Грубер, были арестованы после того, как гестапо удалось внедрить шпиона в сеть железных дорог и разоблачить его. Август Грубер был казнен 23 марта 1943 года.

Ингрид бросила на неё острый взгляд, и Биргит поняла, что ёрзает на стуле. Ей хотелось уйти, но она не могла. Она нашла здесь неожиданно тёплый приём, нашла цель. Ей не хотелось всё это терять, но...

Однажды тебя могут попросить о большем... гораздо большем.

Биргит внезапно встала из-за стола. Ингрид наклонилась вперёд, сузив глаза.

– В туалет, – пробормотала Биргит, – мне... нужно... – она поспешила прочь из комнаты, с облегчением выдохнув. Несколько человек в кофейне взглянули на неё, но без особого интереса, и она быстро прошла между столиками и выскользнула на улицу, вдохнула холодный, влажный вечерний воздух.

Она слишком остро реагирует, сказала она себе, и Ингрид, и все остальные, скорее всего, тоже. Может быть, коммунисты просто нарочно себя накручивают. В конце концов, Шушниц подписал соглашение. Вполне возможно, Австрию оставят в покое; не факт, что гитлеровский вермахт сможет пересечь её границы. Возможно, всё обойдётся. Ей никогда не придётся становиться настолько храброй. Ей никогда не придётся совершать такой выбор.

Внезапный визг шин заставил ее в тревоге обернуться, когда она увидела, как из-за угла с визгом выезжает чёрный «Мерседес», а за ним ещё один. Они направились прямо к кофейне, и Биргит поняла, что это связано с собранием. Спотыкаясь, она побежала обратно в комнату. Все повернулись к ней.

– Сюда кто-то едет, – выдохнула она. – Там две машины...

Она уже слышала, как распахнулась входная дверь кофейни, слышала крики.

Сразу же началось движение – кто-то выбежал через чёрный ход в переулок, кто-то опрокидывал столы и стулья, прятал брошюры и бумаги. Биргит искала взглядом Ингрид, но та куда-то делась. Стараясь перебороть в себе ощущение, что её предали, Биргит поспешила к чёрному входу, её сердце колотилось. Она шагнула в тёмный переулок, петлявший между зданиями, и вдруг рухнула на землю, ощутив руками и коленями мокрый асфальт и острые булыжники. Невероятно, но момент, когда могло потребоваться всё её мужество, наступил так быстро. Она бы рассмеялась, если бы не задыхалась от страха.

Кто-то, кто бежал за ней, споткнулся о её тело и, ворча, шлёпнулся рядом. Прежде чем Биргит успела что-то сказать, он вскочил на ноги и скрылся в переулке.

Всхлипывая от ужаса, Биргит поднялась и побрела по аллее, словно слепая, вытянув руки перед собой. Из открытой двери за её спиной слышались крики – кто нападал на оставшихся? Полицейские? Солдаты Отечественного фронта? Нацистские мальчишки-хулиганы? Биргит понятия не имела, но знала, что не хочет встречаться лицом к лицу с кем бы то ни было из них.

Наконец она увидела мерцание света там, где переулок выходил на улицу, и снова всхлипнула, на этот раз от облегчения.

Кто-то еще подбежал к ней сзади, грубо оттолкнув её в своем стремлении к свободе. Голова Биргит ударилась о стену, щека царапнула кирпич. Она с силой закусил губу и продолжала двигаться вперёд, как бы сильно ни кружилась голова.

Наконец она вышла на улицу, задыхаясь от облегчения. Её чулки были порваны и испачканы, руки и щека – в крови, волосы спутались. Но она была свободна.

– Эй!

Она содрогнулась от страха, поняв, что сердитый голос обращался к ней. Перед кофейней стоял мужчина и направлял на Биргит резиновую дубинку. Биргит замерла, сердце забилось где-то во рту, ноги подкосились. Мужчина шёл к ней. Она поняла, что это полицейский. Её могут арестовать. Посадить в тюрьму. Мозг приказывал ей бежать, бежать изо всех сил, но она не могла тронуться с места.

– Ах вот ты где! – Этот голос был тёплым и добродушным, и, не успев глазом моргнуть, Биргит почувствовала, как её заключили в объятия и звучно поцеловали в губы.

– Вы её знаете, оберлейтенант? – с подозрением поинтересовался полицейский, и её спаситель, а может быть, похититель с лёгкостью ответил, обнимая её за талию:

– Ещё бы не знать! Это моя невеста, позвольте её вам представить. Очевидно, её по ошибке сюда втянули. Надеюсь, вы с этим разберётесь, офицер.

Полицейский начал что-то возражать, но мужчина быстро повёл её прочь. Несколько минут они шли молча, и мысли Биргит сливались в одно сплошное пятно. Наконец он остановился и убрал руку с её талии.

– Ну вот, оторвались.

Она повернулась, чтобы рассмотреть освободившего её незнакомца, и увидела, что на нём фуражка и серая униформа лейтенанта горных войск австрийского Бундешира.

– С... спасибо, – пробормотала она. – Не знаю, зачем вы это сделали, но вы меня спасли.

– Не мог бросить прекрасную даму в беде. – Он вынул из кармана платок и протянул ей. – У вас кровь. Здесь, – он указал на её щёку, – и здесь, – на губу.

– Спасибо, – повторила Биргит, стирая кровь платком.

– Простите, что так резко, – продолжал он, – но у меня не было выбора.

Биргит не знала, что ответить, не знала, что думать о своём первом поцелуе. Её мысли по-прежнему метались.

– Послушайте, вы пережили шок. Как насчёт кофе? Я, конечно, угощаю. А потом провожу вас домой. Где вы живёте? Где-то неподалёку?

– На Гетрайдегасе...

– Как чудесно. Ну, что скажете? По поводу кофе?

Она в смятении смотрела на него. В свете всего, что произошло в этот вечер, она не знала, как реагировать на предложение этого доброго человека. А он казался добрым; у него было простое, круглое лицо и приятная улыбка, голубые глаза и чуть кривые зубы. Он не был особенно красив, и Биргит это понравилось. Доброе сердце, считала она, важнее красоты.

– Замечательно, – наконец ответила она, всё ещё дрожа, но изо всех сил стараясь справиться с собой. – Спасибо. Кофе будет очень кстати.

Глава седьмая

Лотта

Декабрь 1936

Снег тихо падал, когда Лотта вновь поднималась по крутым ступеням аббатства Ноннберг. Был полдень, солнце клонилось к горизонту, тени становились длиннее. Весь город накрыло белым одеялом. Добравшись до последней ступени, Лотта ту же запахнула пальто; аббатство вырисовывалось перед ней сквозь пелену снега, древнее и несокрушимое, как горы за ним.

Прошло два месяца с тех пор, как она в прошлый раз взойшла по этим ступеням. Два месяца с тех пор, как Мария фон Трапп спросила, не чувствует ли она – она, Лотта Эдер – служение Богу своим призванием. С тех пор Лотта не могла думать ни о чём другом.

Она посещала занятия, она репетировала, она обедала и ужинала, она по вечерам сидела в кругу семьи, слушая радио или игру Франца на пианино, но в голове бесконечно крутилась одна и та же мысль. *Вдруг это и впрямь моё призвание?*

Однажды утром по дороге домой из церкви она решила спросить у Иоганны, что та думает по этому поводу.

– Иоганна, – нерешительно начала она, – тебе никогда не хотелось стать монахиней?

Сестра удивлённо посмотрела на неё и фыркнула.

– Чего? Нет, конечно. С какой стати?

– Потому что, – ответила Лотта, – это была бы такая... такая спокойная жизнь...

– Тоскливая, ты хотела сказать. Как будто моя недостаточно тосклива. – Иоганна украдкой взглянула на Франца, который шёл рядом с Манфредом. Он каждую неделю посещал вместе с ними мессу, хотя и не мог участвовать в таинстве причастия, не будучи католиком.

– Значит, ты никогда об этом не думала? – уточнила Лотта, не зная, облегчение или разочарование принёс ей этот решительный ответ.

– Ни минуты. – Иоганна встряхнула головой. – А почему ты спрашиваешь?

Лотта пожалала плечами, не в силах озвучить неясные, но искушающие мысли, кружившие в голове.

– Ну, не знаю. Мы ведь часто видим, как они идут в больницу. – Многие монахини трудились в благотворительной больнице в старом городе. Лотте они всегда казались такими безмятежными. Ей нравилось в них всё – и широкие рукава одежды, и белые намитки под развевающимися чёрными вуалями.

– И что? – Иоганна рассмеялась и потрепала сестру по голове, как ребёнка. – Ну и мысли у тебя, Лотта! Хотя знаешь, мне нетрудно представить тебя монахиней. Вечно ты витаешь в каком-то своём мире.

Лотта вспыхнула и ничего не ответила.

И вот теперь она шла к аббатству, её пальто и платок были все в снегу. Мир казался очень тихим, снег смягчал и приглушал звуки и образы. Эта тишина казалась такой прекрасной. Благодаря ей момент ощущался сакральным, будто целый мир стал часовней.

– Чем могу помочь? – Чуть угрюмый голос пожилой монахини, морщинистое лицо которой было похоже на потрескавшееся яйцо, прервал размышления Лотты. Она стояла перед домиком привратника, и на её лице читалось нетерпение, поскольку Лотта долго не отвечала. Эта монахиня не выглядела такой уж безмятежной.

– Я... у меня назначена встреча с настоятельницей, – запинаясь, пробормотала Лотта. Монахиня кивнула и провела Лотту в зал аббатства. Обстановка была скудной, выбеленные известью стены – голыми, не считая деревянного распятия. Лотта села на край скамьи, стала ждать, пока монахиня поговорит с настоятельницей. Воздух был таким холодным, что дыхание вырывалось у неё морозными облаками пара.

– Настоятельница готова вас принять. – Выражение лица монахини чуть смягчилось, когда она вернулась и повела Лотту по узкому коридору, выложенному каменными плитами. Дойдя до старой деревянной двери, она постучала. Голос, такой спокойный и сладкозвучный, какого Лотта и представить себе не могла, тихо позвал:

– Войдите.

Монахиня вошла и опустилась на колени. Лотта осталась стоять, не уверенная, что делать дальше.

– *Benedicite*¹¹, – сказала монахиня, склонив голову. Настоятельница сделала ей знак подняться.

– *Dominus*¹².

Встав, монахиня указала на Лотту:

– Фройляйн Эдер хочет поговорить с вами, досточтимая мать.

Настоятельница кивнула, и монахиня удалилась. Дверь с тихим щелчком закрылась за ней. Лотта осталась наедине с настоятельницей, и внезапно ей стало страшно. Сердце быстро заколотилось, во рту пересохло.

– Садитесь, дитя моё. – Настоятельница улыбнулась и указала на стул, простой, деревянный, безо всякой резьбы. Всё в этой комнате было простым – выбеленные стены, большое распятие.

– Спасибо, досточтимая мать. – Лотта положила руки на колени, переплела пальцы, стала, волнуясь, ждать, пока настоятельница начнёт разговор. Это была пожилая женщина, сильно за шестьдесят, и, насколько знала Лотта, она руководила аббатством Ноннберг уже больше пятнадцати лет. Её лицо, обрамлённое белой намиткой и чёрной вуалью, было морщинистым и добрым, глаза и брови – тёмными.

– Вы хотели поговорить со мной о вашем призвании, – мягко подсказала она, и Лотта закусил губу. Почему она вдруг так занервничала, словно была самозванкой, которая боялась, что её обман раскроется?

– Да, досточтимая мать, хотела.

– Очень хорошо. – Настоятельница положила на стол руки, спрятанные в широких рукавах рясы. – Расскажите, что вы почувствовали, дитя моё.

И, запинаясь, Лотта рассказала о том, как пришла сюда два месяца назад, о том, как на неё снизошло чувство умиротворения, и о том, что молитвы монахинь кажутся ей самым прекрасным, что есть на свете. Её сбивчивая речь показалась ей искренней, и она надеялась, что настоятельнице тоже.

– Когда я здесь, в аббатстве, мне кажется, что-то во мне успокаивается. Я нахожу умиротворение, которого не могу найти в... реальном мире. – Увидев, что настоятельница едва заметно улыбается, Лотта испугалась, что неправильно выразилась. – Ну, вы понимаете, в том мире, что внизу, – она кивнула в сторону окна, выходящего на крутую лестницу, которая спускалась к старому городу.

– Да, я понимаю, о чём вы. – Она ласково улыбнулась Лотте.

– И когда баронесса фон Трапп сказала мне, что, может быть, у меня призвание служить Господу, – чуть высокопарно заключила она, – я задумалась, может быть, это в самом деле так.

¹¹ Благословен (лат.).

¹² Господь (лат.).

– Баронесса фон Трапп часто говорила, не подумав, – вновь улыбнувшись, заметила настоятельница. – Чрезмерная порывистость – вот с чем ей приходилось бороться, когда она была здесь послушницей.

– Ой. – Лотта подумала, что вот так, одной фразой настоятельница перечеркнула все возможности, что у неё может быть призвание.

– Скажите мне, дитя моё, что вас влечёт к религиозной жизни, кроме этого ощущения покоя?

Лотта нерешительно подняла на неё глаза. У неё складывалось ощущение, что настоятельница подталкивает её в какую-то ловушку, и что бы она ни ответила, это будет неправильно.

– Мне кажется... чувство смысла, – ответила она. – И желание посвятить всю себя Богу. Настоятельница кивнула.

– Человек способен посвятить себя Богу, где бы ни находился – будь то дом, больница, школа или монастырь. Но религиозная жизнь означает гораздо большую жертвенность. – Её тон был мягким, но слова – суровыми. – Ты приносишь себя в жертву минута за минутой, час за часом. К обетам нестяжания, целомудрия и послушания нельзя относиться легкомысленно. Даже по прошествии многих лет они могут подвергнуться серьёзным испытаниям.

– Я никогда так не сделаю, досточтимая мать... – начала Лотта, ужаснувшись тому, что настоятельница могла посчитать её легкомысленной. Но много ли она знала о том, чего требуют эти клятвы? Её представление о том, что значит быть монахиней, ограничивалось лишь фантазиями о том, как она бродит по древнему монастырю в чёрной рясе, красивая и безмятежная, в гармонии с собой и с миром. – Я никогда не буду легкомысленно относиться к обетам, – пробормотала она, опустив глаза и чувствуя себя маленькой девочкой, натянувшей карнавальный костюм, и теперь настоятельница мягко велела ей прекратить маскарад.

– Я и не спорю, – ответила настоятельница. – Какими бы ни были ваши пороки, фройляйн Эдер, я верю, что сейчас вы говорите искренне.

Лотта сглотнула и ничего не ответила.

– Скажите, – продолжала настоятельница, – вы говорили с кем-то ещё об этом ощущении, что ваше призвание – служить Богу?

– Нет, досточтимая мать, не говорила. – Ей вспомнился краткий разговор с Иоганной, которой она не осмелилась раскрыть душу. Тайна казалась слишком священной, чтобы делиться ею с приземлённой сестрой.

– С вашим приходским священником? – предположила настоятельница, и Лотта покачала головой. – С семьёй? Как вы считаете, они поддержат такое решение?

– Думаю, да. – Хотя Лотта хотела казаться сдержанной, она не удержалась от того, чтобы не выпалить: – Но так ли важно, что они подумают? Если таково моё призвание, то я должна ему повиноваться, невзирая на то, что думают другие... разве нет?

Настоятельница долго молчала, и Лотте хотелось съёжиться под её ласковым, но пронизательным взглядом.

– Голосу Бога нужно подчиниться, это верно, но Бог не обращается к нам внезапно, его зов – не вспышка молнии, хотя порой бывает и такое. Но чаще, гораздо чаще, дитя моё, Бог говорит с нами шёпотом, и Его тихий спокойный голос трудно расслышать в шуме вихря.

– Да...

– И Он указывает нам путь с помощью духовных наставников, которые ведут нас. Так что если бы ваш приходской священник или ваша семья не одобрили бы ваше решение, я бы сильно сомневалась, принимать ли вас в послушницы. – Настоятельница постаралась смягчить суровость слов улыбкой, но та все равно не укрылась от Лотты.

– Понимаю. – Теперь ей стало ясно, что ей не давала покоя романтическая мечта вплыть в ворота аббатства, оставив позади мир, рыдающий, как на триптихе Страшного суда, который

она видела в церкви, – плач, скрежет зубовой, руки, протянутые в поисках спасения. Конечно, это будет не настолько драматично. И драма – не то, чего она должна хотеть.

– Если вы всерьёз хотите понять, призывает ли вас Бог к религиозной жизни, – продолжала настоятельница всё так же ласково, но твёрдо, – поговорите с приходским священником. Он будет вас вести. И посоветуйтесь с родителями, которых я считаю набожными людьми. Бог привёл их на эту землю, чтобы наставлять вас.

– А если они согласятся, что у меня призвание? – спросила Лотта, и собственный тон показался ей слишком страстным.

– Тогда мы обсудим следующие шаги в надлежащее время. – Она помолчала, и Лотта напряглась, почувствовав в этом молчании некую недоброжелательность. – Должна вам сказать, что большинство женщин, чувствующих желание служить Богу, фройляйн Эдер, как и вы, ощущают неуверенность и тревогу, по крайней мере поначалу. Они понимают, от чего им придётся отказаться, даже если не могут всецело осознать глубину жертвы, которую от них требует Бог.

– Да, досточтимая мать. – Лотта знала, что не боится расстаться с мирскими радостями и развлечениями; она не сомневалась, что с радостью их оставит.

– К примеру, фройляйн, вам может быть тяжело пережить разлуку с семьёй.

Лотта сглотнула.

– Я больше совсем их не увижу? – Этого она не учла.

– Если вы станете послушницей, ближайшие полтора или два года вы не увидите их вообще, если только во время службы, где вы как послушница будете присутствовать. А потом сможете видеться, но редко, и только когда они придут в аббатство, чтобы вас навестить. – Она сочувственно улыбнулась, и Лотта поняла, какой несчастный у неё сделался вид. – Это нужно, чтобы уберечь вас от рассеянности и от искушений, потому что поначалу мирское, светское будет крепко держать вас в объятиях. Быть сестрой, фройляйн, значит оставить все наслаждения, даже радость общения с родными, чтобы полностью посвятить себя Богу.

– Понимаю. – Лотта вновь опустила глаза.

– Лишь бессердечная женщина не может в это время не ощущать тоски и горя, – продолжала настоятельница. – Есть и другие запреты. Например, сестра не может владеть никакими личными вещами. Не может смотреться в зеркало, потому что эта привычка питает тщеславие. И, конечно же, мы следуем бенедиктинскому правилу молчания – говорить как можно меньше и только по необходимости, и никогда во время Великого Молчания, между вечерей и мессой следующего утра. Это лишь некоторые из указаний, которым мы следуем в соответствии с Правилем святого Бенедикта. – Она улыбнулась, а Лотта внезапно поймала себя на том, что смаргивает слезы.

Знала ли она об этом? Может быть, слышала как-то мельком, но сейчас смутные воспоминания стали реальностью, ещё более недоступной.

– Простите, если я неправа, – продолжала настоятельница, – но многие девушки воспринимают религиозную жизнь как что-то... романтическое. Они мечтают о покое и святости, не понимая, что такие качества с трудом завоёвываются и дорого обходятся. Религиозная жизнь – это жизнь, полная мучительных жертв, абсолютного повиновения, добровольного унижения. Только те, кто действительно рождён для такой жизни, могут нести на себе эту тяжкую ношу.

– Да, – прошептала Лотта, потому что больше не знала, что сказать.

Настоятельница склонила голову набок, обвела Лотту добрым всевидящим взглядом.

– Если Бог в самом деле призывает вас к этой жизни, фройляйн, вы не сможете не слышать Его голос. Шёпот переходит в крик, и желание становится непреодолимым. – Она умолкла, и Лотту вдруг охватили волнение, восхитительное ожидание, трепетная надежда и страх перед тем, что всё-таки может случиться.

– А если Он вас не призывает, – продолжала она так же спокойно и твёрдо, – то этот шёпот становится тише и тише, и вскоре, по милости Божией, вы совсем перестанете его слышать и даже не почувствуете потери.

Губы Лотты задрожали, она попыталась улыбнуться.

– Да, досточтимая мать, теперь я понимаю, как это бывает.

– Всего хорошего, дитя моё, – попрощалась настоятельница, и Лотта поняла, что ей отказали, пусть и очень мягко.

– Спасибо, что уделили мне время, – пробормотала она, поднимаясь. Настоятельница кивнула, и Лотта побрела к двери. Выходя, вновь столкнулась с той же монахиней, больше похожей на чёрную ворону, чем на ангела милосердия. Она наклонила голову, но ничего не сказала, и Лотте вспомнились слова досточтимой матери о том, что говорить следует как можно меньше. Сможет ли она справиться, если её сюда примут? В каком-то смысле это станет облегчением. Ей не придётся думать, чем наполнить тишину, она просто будет молчать – и всё.

– Спасибо, сестра, – кивнула она монахине и, направляясь к выходу, подумала, что, наверное, и этого говорить не стоило.

Сгустились сумерки, падал снег, мир был безмолвным, как фотография. Лотта стояла на вершине лестницы и дышала свежим воздухом, снежинки мягко падали ей на щёки. Крыши старого города были покрыты снегом. Отсюда были не слышны привычные звуки города – шум трамваев, автобусов и автомобилей, крики разносчиков и газетчиков. Когда она начала спускаться по ступеням, тучи расступились, и последние лучи солнца слились в один совершенный сияющий луч. У Лотты перехватило дыхание. Могло ли это быть знаком?

Она закрыла глаза, всё в ней одновременно напряглось и замерло, страстно желая услышать слабый, но ясный шёпот, который указал бы ей дорогу. Она ждала, холод просачивался сквозь ее туфли и сковывал пальцы ног, но всё, что она слышала – лишь шум ветра сквозь снег, и вскоре последние лучи угасли.

Глава восьмая

Иоганна

Иоганна любила Рождество. Любила город, занесённый снегом и становившийся чище, любила праздничный и даже сакральный смысл, который в эти дни обретали скучные домашние дела. Вместе с тяжёлой тёмной мебелью её мать привезла с собой из Тироля старинные народные традиции, и в детстве Иоганна и её сёстры с радостью их соблюдали: плели рождественский венок из еловых веток, украшали четырьмя толстыми восковыми свечами и подвешивали к потолку посреди гостиной; зажигали по свече каждое воскресенье поста; писали письма Младенцу Христу, исповедуясь в своих грехах и обещая в новом году быть лучше.

Шестого декабря приходил святой Николай со своей митрой и епископским посохом, а за ним – ужасный Крампус, чёрный дьявол с длинным красным языком, который забирал непослушных детей, если святой Николай ему разрешал. Маленьким Эдерам вручали сладкие подарки и никогда не секли розгами, которые предназначались для по-настоящему плохих детей, и Крампус, обычно сосед в маске и чёрном плаще, который казался Иоганне восхитительно ужасающим, никогда их не утаскивал.

Теперь, хотя девочки выросли, некоторые традиции всё равно соблюдались. Иоганна и Хедвиг сплели венок, и по воскресеньям Эдеры собирались под ним всей семьей, чтобы читать Евангелие и зажигать свечу, к большому изумлению Франца, которого Иоганна не могла не заметить.

С той прогулки на Унтерсберг, когда он едва не поцеловал её, а потом сказал, что не верит в Бога, Иоганна не знала, как себя вести и даже что чувствовать. Хотя она была по-прежнему очарована Францем, её мечты утратили блеск, потому что она понимала, что родители не одобряют её брак с неверующим человеком. Конечно, она и так понимала, что он не католик, с тех пор как он впервые появился в маленьком домике на Гетрайдегассе, слышала его философские рассуждения и видела, что он отказывается от причастия. Она знала это, но не чувствовала этого, не позволяла себе думать, что их взаимная симпатия зашла так далеко.

Но когда он чуть не поцеловал её и одарил таким обжигающим взглядом, она, к глубочайшему своему смятению, поняла, что чувства между ними есть и что они ни к чему не приведут. Иоганна была не из тех, кто согласен на лёгкий флирт, хотя это и казалось волнительным. И она решила избегать Франца, хотя её всё так же к нему влекло, и время от времени он бросал на нее озадаченный и даже обиженный взгляд, его глаза задавали безмолвный вопрос: почему ты так делаешь? Иоганна отводила взгляд, измученная собственной гордостью, осторожностью и желанием.

Она старалась никогда не оставаться с ним наедине, что было довольно легко, и хотя она по-прежнему переворачивала для него ноты – удовольствие, от которого всё же не смогла отказаться, – она уже не позволяла себе как бы случайно коснуться его пальцев.

В общем, положение дел было самым неутешительным.

Перед Рождеством дел у Иоганны хватало и без мрачных мыслей о Франце Вебере. Надо было печь *лебкхены*¹³, и готовить безе «испанский ветер», и делать марципановые фигурки для ёлки. Надо было штопать рождественские наряды и шить новые, до блеска отчищать дом; в предпраздничные дни мать становилась ещё требовательнее, чем обычно.

¹³ Традиционные нюрнберские пряники с цитроном и миндалём.

И всё-таки Франц был рядом. Франц, такой растрёпанный, сидел за столом, под которым едва помещались его длинные ноги. Франц улыбался ей своей удивительной полуулыбкой, бросал на неё заинтересованные взгляды, играл на пианино так красиво, что Иоганна готова была разрыдаться. Франц каждую ночь ложился в постель, и Иоганна, лёжа в своей постели, с болью в сердце слушала скрип половиц наверху.

Однажды вечером, прежде чем идти к себе, он в коридоре схватил её за запястье.

– Почему ты меня избегаешь? – тихо спросил он, и его взгляд был, как всегда, пламенным.

– Я не...

– Избегаешь. Не лукавь, Иоганна. Для такого ты слишком искренна.

Она взглянула на дверь гостиной, где сидели все остальные.

– Франц...

– Ты мне нравишься, – прямо и просто сказал он. – Ты это знаешь. И мне казалось, что я тебе тоже нравлюсь.

– Нравишься, – ответила она, потому что он был прав. Она была слишком искренна.

– Тогда почему?

Она беспомощно смотрела на него, зная, что он ждёт объяснения, но не в силах ничего объяснить, во всяком случае, здесь, в гостиной, где кто угодно мог их подслушать.

– Прости, я не могу... – прошептала она и рванула прочь, вверх по лестнице в свою спальню.

Двадцать третьего декабря они по традиции украсили рождественскую ель марципановыми фигурками, позолоченными орехами, яблоками и мандаринами. Не забыли и восковые свечи – почти сотню привязали к зелёным раскидистым ветвям лентами и мишурой. Зажечь эти свечи надлежало в канун Рождества.

– Ты когда-нибудь раньше наряжал ёлку, Франц? – насмешливо поинтересовалась Лотта. Она не понимала, как можно совсем не соблюдать традиции, и задалась целью показать Францу всю их красоту, как будто это привело бы его к вере.

– Не-а, – как обычно, беззаботно ответил Франц, – но несколько видел. Ваша, по-моему, самая красивая.

– А к обеду в канун Рождества с нами пойдёшь? – спросила Лотта, и Иоганна подумала – зря она завела этот разговор. Из-за него разница между их семьёй и Францем казалась ещё ошутимее.

– Ну, если хотите, – жизнерадостно заявил Франц. – А может язычник ходить к обеду?

– Именно язычники в первую очередь и должны ходить к обеду, – серьёзно ответила Лотта, и Иоганна, не удержавшись, закатила глаза.

– Ой, Лотта, перестань! Говоришь, как монахиня!

Лотта ничего не ответила, и Иоганне стало стыдно, что она дразнит сестру.

– Ну, тогда с радостью пойду, – ответил Франц. – Пение и молитвы я нахожу весьма красивыми. – Он многозначительно посмотрел на Иоганну, будто такое признание должно было её впечатлить, и она отвела взгляд, потому что не знала, впечатлена ли.

Месса в сочельник была прекрасна, как и всегда. Церковь сияла свечами, которые прихожане, читавшие вслух Псалтырь, держали в руках. Пока они пели рождественский гимн и музыка возносилась до самого потолка, Иоганна закрыла глаза и про себя вознесла к Богу молитву, которую хранила в сердце, но не могла прочесть вслух. Открыв глаза, она увидела, что отец ласково и вопросительно смотрит на нее, и попыталась улыбнуться, хотя ей хотелось плакать. Она уже исповедовалась и, запинаясь, рассказала священнику о своих обычных прегрешениях, хотя, наверное, должна была признаться в том, что влюбилась в неподходящего человека. Что бы тогда сказал священник? Сколько раз ей пришлось бы прочитать «Радуйся, Мария» в качестве покаяния?

После обедни дети прихожан направились к приделу, где была разложена маленькая модель города Вифлеема – пастухи со стадом, Мария и Иосиф в укрытии. Ясли, конечно, были пусты, как и должно было быть до святой ночи. Как всегда, в воздухе витало ожидание, надежда на то, чего давно ждали и что наконец должно было случиться. Иоганна всегда чувствовала радость и проникалась атмосферой волшебства, но не сегодня. Сегодня она была ближе к отчаянию.

Вернувшись домой, они стали ждать, когда Манфред позвонит в колокольчик, что символизировало начало Рождества. Потом вместе собрались в гостиной у ёлки и зажгли свечи, спели «Тихую ночь» и обменялись поздравлениями и подарками, и всё это время Иоганна была скорее печальна, чем радостна. Ей было невыносимо смотреть на Франца – на его тёмные волосы, блестящие в свете свечи, на его беззаботную улыбку, – и всё же она не могла не смотреть. Порой его глаза встречались с её глазами, и казалось, что они задают вопрос. Иоганна первой отводила взгляд.

– Счастливого Рождества! – воскликнул Манфред и расцеловал дочерей в щёки, а потом обнял Хедвиг, и та рассмеялась и покраснела, как девчонка. Отец по-настоящему любит маму, подумала Иоганна уже не в первый раз. Эта суровая, работающая женщина для него – истинное сокровище. При этой мысли она ощутила надежду и страстное желание, что когда-нибудь её тоже так полюбят, потому что, если уж на то пошло, она ведь была очень похожа на свою мать – такая же трудолюбивая, молчаливая, может быть, чуть суровая или, по крайней мере, строгая.

Все обменялись подарками, и Иоганна затаила дыхание, когда Франц разворачивал её презент – носовые платочки, на которых были вышиты его инициалы, и маленькая веточка эдельвейса в уголке. Он явно обрадовался, и Иоганна вспыхнула, вдруг испугавшись, что это слишком личный подарок, как для жениха.

– Я подумала, тебе нужны ещё носовые платки, – словно извиняясь, заметила она. – Твои вечно пачкаются.

Франц в свою очередь вручил Эдерам огромную, явно дорогую коробку шоколадных конфет, перевязанную красной шёлковой лентой, и Иоганна поняла, что разочарована. Она надеялась и даже в каком-то роде ждала, что, несмотря на свою холодность, получит от него что-то личное, но нет. Так что она убедилась, что шоколад – тоже хорошо, постаралась насладиться праздничным ужином, а потом пошла спать. Луна высоко сияла в небе, все были сонными и довольными. Все, кроме Иоганны.

– Ты чего такая мрачная? – спросила Биргит, раздеваясь. В последнее время её походка стала легче и пружинистее, а улыбка – таинственнее... хотя какие тайны могли быть у Биргит?

– А ты чего такая радостная? – буркнула Иоганна.

– Ну... Рождество ведь...

– Мне иногда кажется, у тебя появился тайный поклонник, – продолжала Иоганна, желая отвлечь внимание сестры. Улыбка Биргит стала самодовольной, почти лукавой, и Иоганна напряглась. Руки, расплетавшие косы, застыли. – Не может быть! – воскликнула она, и на миг в глазах Биргит вспыхнула злость.

– Почему это не может?

– Но кто же он?

Биргит лишь улыбнулась, и Иоганна сердито фыркнула. Ну какое ей дело, в кого втюрилась Биргит? Наверняка в какого-нибудь ничего не подозревающего продавца, который имел неосторожность ей улыбнуться... Иоганна тут же отругала себя за злые мысли.

– Ну, однажды тебе всё равно придётся рассказать, – сказала она как можно доброжелательнее, – если это к чему-то приведёт.

– Подожди, – ответила Биргит, по-прежнему улыбаясь. Дом погрузился в тишину. Иоганна лежала на спине, её волосы рассыпались по подушке, руки были сложены на животе,

как у почтеннейшей матроны, но она смотрела в потолок, не в силах уснуть, разум и сердце не давали ей покоя.

Наверху скрипели половицы – значит, Франц ходил по комнате, и она представила, как он снимает обувь, расстёгивает жилет и рубашку. Она отогнала этот образ так же быстро, как он вспыхнул в её мозгу.

Прошёл час, секунды ползли и ползли. Скрип наверху затих, Биргит ровно дышала во сне. Но Иоганна всё так же смотрела в потолок, глаза щипало, сердце щемило. Лунный свет струился сквозь щели в ставнях, отбрасывал тонкий серебристый луч на деревянный пол.

Наконец, когда прошла, казалось, целая вечность, Иоганна свесила с кровати ноги, сняла с крючка халат. Медленно прошла по тёмному коридору в гостиную, где стояла во всём своём великолепии рождественская ель. Свечи погасли, пряно пахло апельсинами и воском. Она не знала, зачем пришла сюда и что ожидала увидеть, но руки сами метнулись к груди, а с губ сорвался сдавленный стон, когда она увидела, что в углу сидит Франц и тоже смотрит на дерево.

– Привет, Иоганна! – В его голосе звучали радость и печаль, и Иоганна поняла – она пришла сюда, надеясь, что он здесь будет. Зная, что он здесь будет.

Одной рукой она крепче запахнула халат, в полумраке разглядев его фигуру. Он был полностью одет, разве что расстегнул рубашку у ворота, и его волосы были растрёпаннее обычного, отчего он казался немного безумным и в то же время совсем родным.

– Я думала, ты спишь, – сказала Иоганна.

– Нет.

– Что... что ты здесь делаешь?

– Почему ты меня избегаешь? – вновь спросил он. – Теперь ты мне ответишь?

– Франц...

– Ответь мне, Иоганна. Не играй со мной в игры. С самой прогулки на Унтерсберг ты стараешься не оставаться со мной наедине. Скажешь, это не так?

– Нет, – прошептала Иоганна. – Не так.

– Потому что я не католик, да? – Его слова прозвучали так, будто эта причина была несущественной, и на миг Иоганна задумалась – а вдруг и в самом деле так? Вдруг возможно, чтобы это было так?

– Ты должен понимать, – сказала она, помолчав, – как много вера значит для нашей семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.